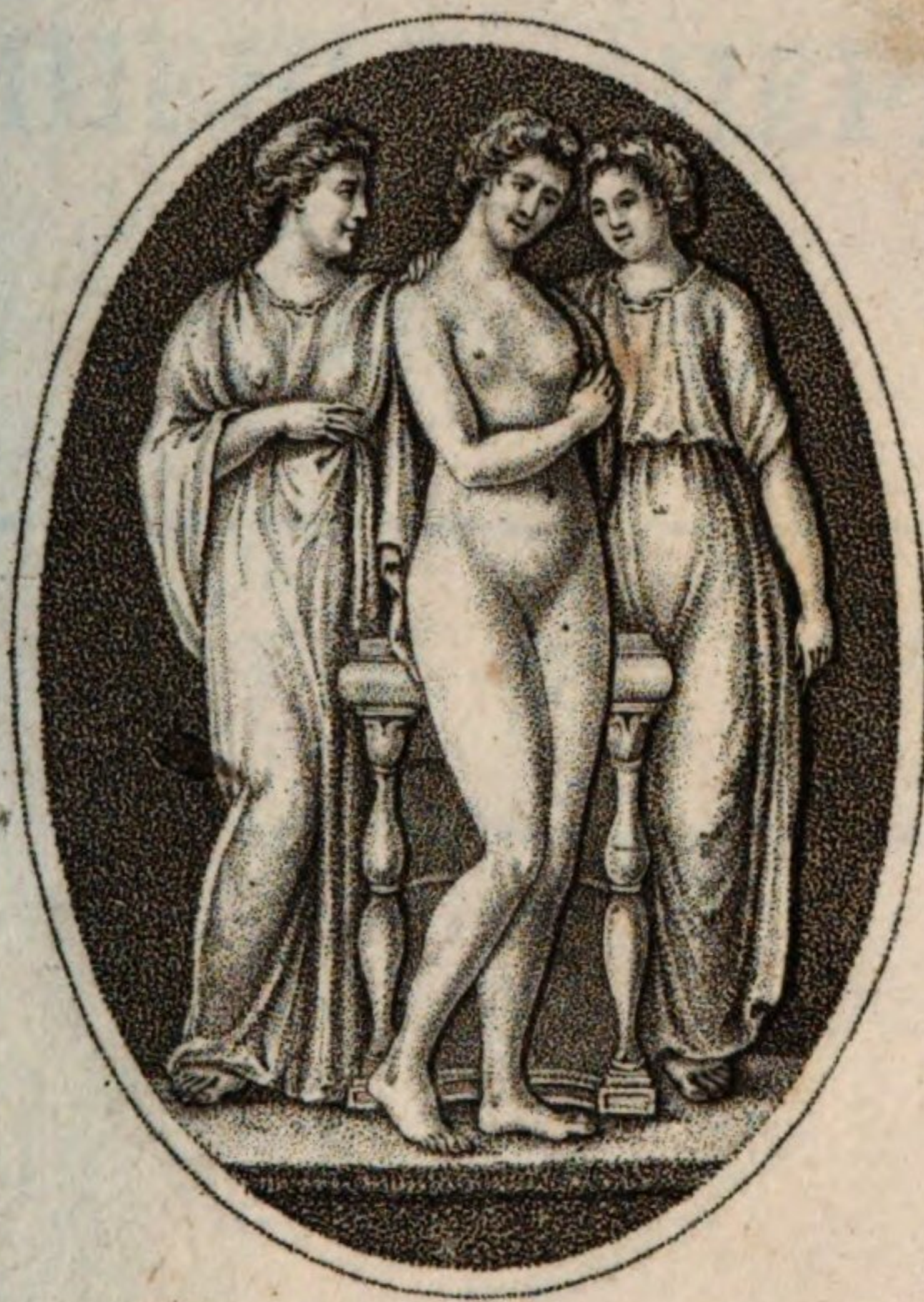

СОЧИНЕНІЯ

Евана Дмитріева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

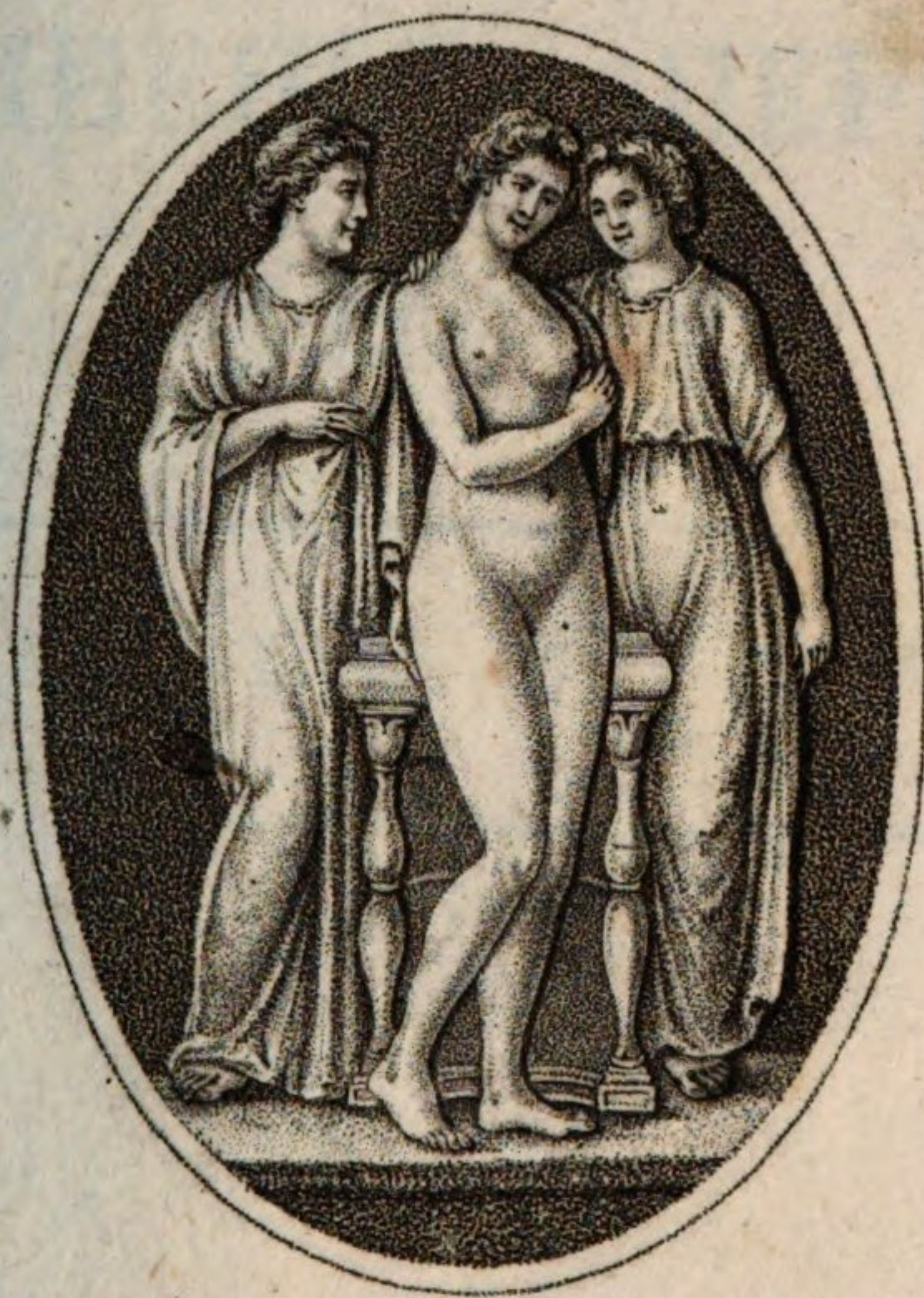

1803

СОЧИНЕНІЯ

Евана Дмитріева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1803

COPIES

Manuscript

FACTS

—

1807

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

И. Д.

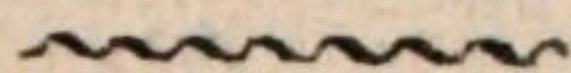
Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

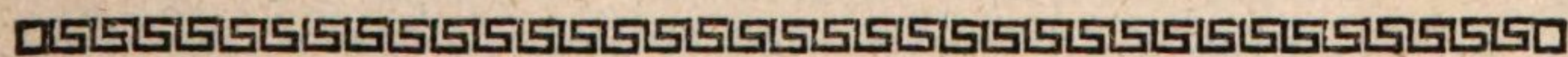
И. Д.

Il veut le fouvenir de ceux qu'il a chéri.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я.

Издѣвненіемъ М. Глазунова.

М О С К В А,

Въ Типографіи Платона Бекетова.

1803.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

12 WEST 4TH STREET, NEW YORK, N. Y.

PAID TO ORDER

RECEIVED OF THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

AS TRUSTEES OF THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

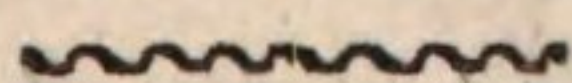
1901

С К А З К И.

С К А З К И.

М о д н а я ж е н а.

Ахъ! сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!
Той пѣсню, той сонетъ, той лестный мадригалъ;
А вы, о нѣжные мужья подъ сѣдиною!
Ни спрочкой не были порадованы мною:
Просшите въ помѣ меня, я молодъ, вѣтренъ
былъ;

Такъ диво ли, что васъ забылъ?
А нынѣ вяну самъ; на лбу моемъ морщины
Велятъ уже и мнѣ
Подобной вашей ждашь судьбины,
И о Циперской споронѣ

Лишь въ сказкахъ воспоминашь, — а были, небы-
лицы,

Я знаю, старикамъ разглаживаюшъ лица;
Такъ слушайте меня, я сказку вамъ начну,

Про модную жену:

Пролазь въ печеніи полвѣка

Все ползѣ да ползѣ, да билѣ челомѣ,
И наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползѣ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталѣ съ именемъ — я говорю вѣдѣ
такѣ,

Какѣ говоритсѣ въ свѣтѣ:

То есть, сталѣ ѣздитѣ онѣ шестеркою въ ка-
рестѣ;

Потомѣ вступилѣ онѣ въ бракѣ

Сѣ пригожей дѣвушкой, котора жилѣ умѣла,
Была умна, ловка,

И старика

Верстѣла,

Какѣ хотѣла;

А старикамъ такой законѣ,

Что естѣли кто изѣ нихѣ вскружитѣ себя вер-
тушкой,

То не она уже, а онѣ

Быть долженѣ наконецѣ игрушкой,

Хотѣ радѣ, хотѣ не радѣ,

Но поступать сѣ женою въ ладѣ

И рубль подѣ часѣ считать полушкой.

Пролазь, хотѣ и пролазь, но мужѣ какѣ и другой,
И также, какѣ и всѣ, цѣною дорогою

Плашилѣ женѣ за нѣжны ласки;

Узналѣ и онѣ, что блонды, каски,

Что крепѣ, линобашистѣ, тамбурна кисея. —

Однажды бывѣ жена — вотѣ шупѣ бѣда моя!

Какѣ лучше изъяснитѣ, не приберу я слова. —

Не такѣ чтобы больна, не такѣ чтобы здорова,

А такъ, . . . ни то, ни сьо, . . . какъ будто не своя,
Супругу говоритъ: “послушай, жизнь моя!

Мнѣ къ празднику нужна обнова;
Пожалуй у мадамъ Бобри купи пюрбанъ,
Да слушай, душенька, мнѣ хочется экранъ
Для моего камина;

А опѣ нее вѣдь при шага
До Аглинскаго магазина;
Да естѣлибѣ тамъ еще . . . Нѣтъ, слишкомъ до-
рога!

А ужестъ какъ мила!“—Да что, мой свѣтъ! такое?—

“Нѣтъ, папинька, такъ, такъ, пустое . . .
По чести! мнѣ самой твоихъ расходовъ жаль.“—

Да что, скажи, откройся смѣло;
Разходы знаешь мое, а не твое ужъ дѣло?—

“Меня, . . . стыжусь . . . плѣнила шаль;
Послушай, ангелъ мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для Княгини, какъ у Князя праздникъ
былъ?“—

Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: “какъ ты
милъ!“—

Изволь, изволь, я радъ со всей моей душою
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!“

Былъ мужнинъ ей отвѣтъ.

“Карету! . . . только вѣдь поспѣть ужъ мнѣ къ
обѣду!

Да я . . . въ дворянской клобѣ оттолѣ заверну.“—

Ахъ, мой жизненчикъ! какъ тѣшишь ты жену!
Спупай же, Ваничка, скорѣе. — “Бду, бду!“—

И Ваничка сѣдой,

Простясь съ женою молодой,
Въ карету съ помощью двухъ долгихъ слугъ
впащился;

Сѣлъ, крякнулъ, покашился;

Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на дворъ —
Угодникъ дамской *Милвзоръ*

Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ уборной.

“Ахъ! я лишь думала, какъ милъ!” — Слуга по-
корной. —

“А я одна.” — Оди? шѣмъ лучше! Да гдѣжъ онъ? —

“Кто, мужъ?” — Вашъ нѣжный купидонъ. —

“Какой, по чести, ты ругатель!”

По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель.

Однакожъ это вѣдь не ложь,

Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ. —

“То есть, онъ также старъ, хотя не такъ пре-
красенъ.” —

Нѣтъ! я вамъ докажу. — “О! этакъ трудъ на-
прасенъ” —

Безъ шутокъ, слушайте! тотъ слѣпъ, а этакъ
кривъ;

Не сходныли жъ они? — “Ахъ, какъ ты зорѣ-
чивъ!” —

Простите, перестану...

Да! покажите мнѣ диванну,

Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;

Ужъ вѣрно это храмъ! храмъ вкуса. — “Онигадалъ.” —

Конечно и... любви? ... “Увы! еще не знаю.

Угодно поглядѣть?” ... Отъ всей души желаю. — ...

О бѣдный мужъ! спѣши, иль послѣ не шужи

И отъ дивана ключъ въ карманъ тѣ держи;

Диванъ для городской вострушки,

Когда на немъ она самъ-другъ,

Опаснѣе, чѣмъ для паслушки

Средь рощицы зеленой лугъ.

И эта выдумка дивановъ

По чести! месь намъ отъ Сулпановъ.

Но какъ ни разсуждай, а Милвзоръ ужъ тамъ

Разсмаприваетъ все, любитъся, дивится;

Амуръ же прикорнувъ на столикѣ къ часамъ,

Приспавилъ къ стрѣлкѣ перстѣ, и стрѣлка не
вершился,
Чтобъ двумъ любовникамъ часовъ досадный бой
Не вспоминалъ того, что скоро возвратится
Вулканъ домой.

А онъ, какъ въ руку сонъ! . . . судьбы того хотѣли!
На тяжкихъ веряхъ ворота заскрыпѣли,
Бичъ хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ
лицомъ

Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужъ онъ на лѣстницѣ, шаца въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;
Ужъ онъ и въ комнаѣ, а вѣрная жена
Сидитъ не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ Премилой масши,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждаться напаси?
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,

Которая лежала

Свернувшись клубкомъ

На солнышкѣ передъ окномъ,

Вдругъ вспрепенулася, вскочила, побѣжала

Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,

Приспавила ушко, попомъ полкъ лапой въ дверь,

Ушла, и возвратилась съ лаемъ.

Тогда жъ другой Пенаѣ, зовомый попугаемъ,

Три раза вѣсповой изъ клѣшки подалъ знакъ,

Вскричавши: кто пришелъ? . . . дуракъ! —

Премила вздрогнула и Милозоръ подобно;

И потѣ и па, о время злобно!

О непредвидѣнна бѣда! —

Бросаяся шуда, сюда,

Рѣшились такъ, чтобъ ей остаться,

А гостью спрятавшись хоща позадь дверей. —

О женщины! могу признаться,

Что вы гораздо насъ хитрѣй!

Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась пре-
вога?

Мужъ въ двери высшая разцвѣтшіе два рога,
Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней — она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;

Потомъ

Просперши къ мужу руки:

Какимъ же, говоритъ ему, я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки!

И знаешь ли, что мнѣ

Привидѣлось во снѣ?

Ахъ, и теперь еще въ восторгѣ уповаю!

Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,

Вдругъ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ;

Ну, естли это снѣ не лживъ?

Позволь мнѣ испытать... И въ мигъ, не давъ
супругу

Прийти въ себя, одной рукой

Закрываетъ глазъ ему, — здоровый, не кривой,

Другою же на дверь указывая другу,

Пролазу говоритъ: “что, видишь ли, мой свѣтъ?”

Мужъ отвѣчаетъ: нѣтъ! —

“Ни крошечки? — Ни мало.

Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало. —

Ты шутишь? — Право, нѣтъ; да дай ты мнѣ
взглянуть. —

Прелестная мечта! Лукреція вскричала:

За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!

Ахъ! другъ мой, какъ бы я желала,

Чтобы одинъ твой глазъ

Похожъ былъ на другой! — Пролазъ

При нѣжности такой не могъ стоять болваномъ;

Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души

За ласки увѣнчалъ жену свою пюрбаномъ.

Пролозь ! ты эпомъ день во свѣщцахъ запиши.

Примѣръ согласія ! жена и мужъ съ обновой ! —

Но что записывать ? примѣръ такой не новой.

Воздушныя башни.

Утѣшно воспоминашь подѣ старость дѣтски
лѣтны,
Забавы, рѣзвосты, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю,
Сижу повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнасъ.—
А я, . . . признаться вамъ, игрушкою играю,
Которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила,
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ поэтъ день, когда урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ,
И бросаясь на постель, займусь *Шехераздой*!
Какъ сказки я ее любилъ!
Читая ихъ, . . . прощай учитель,
Симбирскъ и Волга! . . . все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ и духовъ,
И Визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,
И въ видѣ Кадіевъ волковъ.
Но сколько нужно словъ,
Чтобъ все переписатьъ, друзья мои любезны!
Не лучшесть вамъ я угожу,
Когда теперь одну изъ сказочекъ скажу?
Я знаю, что они не важны, бесполезны;
Но все ли пользу лишь искашь?
Для сказки и того довольно,

Чшо слушають еѣ безъ скуки, добровольно,
 И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.
 Послушайшежъ: во дни иль самага Могола,
 Или наслѣдника его преспола,
 Не знаю, города какого мѣщанинъ,
 У коего дѣшей одинъ былъ только сынъ,
 Жилъ, жилъ, и наконецъ по постоянной модѣ
 Послѣдній опдалъ долгъ, какъ говоряшъ, Природѣ,
 Оставя сыну домъ,
 Да денегъ съ собою драхмъ, не болѣ.
 Сынъ проводя отца на общее всѣмъ поле,
 Поплакалъ, погрузилъ; потомъ
 Сталъ думать и о томъ,
 Какъ жить своимъ умомъ.
 Дай, говоришъ, куплю посуды я хрустальной
 На всю мою казну,
 И ею торговать начну,
 Сначала въ малый поргъ, а тамъ — авось и въ
 дальшой!
 Сказалъ, и сдѣлалъ такъ; купилъ себѣ лубковъ,
 Построилъ лавочку; потомъ купилъ тарелокъ,
 Чашъ, чашекъ, чашечекъ, кувшиновъ, пузырьковъ,
 Бутылей, — мало ли какихъ еще бездѣлокъ! —
 Все, все изъ хрусталя. Склалъ въ коробъ весь
 товаръ,
 И въ лавкѣ на полу поставилъ;
 А самъ хозяинъ Альнаскаръ,
 Ко стѣнкѣ прислонясь, глаза свои уставилъ
 На коробъ, и съ собой въ слухъ началъ рассу-
 ждашь:
 Теперь, онъ говоритъ, и Альнаскаръ купчина!
 И Альнаскаръ пошелъ на спать!
 Надежда, щастіе и будуща судьбина,
 Иль лучше, вся моя казна
 Здѣсь въ коробѣ погребена. —

Вотъ вздоръ какой мѣлю! — погребена! — пустое!
Она плодится въ немъ, и вѣрно черезъ годъ
Прибудетъ съ барышомъ по крайней мѣрѣ вдвое.
Двѣ сотни, хоть куда изрядненькой доходъ!
На нихъ ... еще куплю посуды; лучше пише —
И черезъ годъ еще двѣ сотни зашибу,

И также въ коробъ погребу. —

И такъ годъ отъ году все выше, выше, выше,
Могу я наконецъ ужъ быть и въ десяти,
И болѣе, — тогда скажу моимъ товарамъ
Съ признашительною къ нимъ улыбкою: прости!
И буду ... ювелиръ! — Боярынямъ, боярамъ
Начну я продавать алмазы, изумрудъ,
Лазурь и яхонты, и ... и — всего не вспомню!

Короче: золошомъ наполню

Не только лавку, цѣлый прудъ.

Тогда — то Альнаскаръ весь разумъ свой пока-
жетъ!

Накупитъ лошадей, невольницъ, дачь, садовъ,

Евнуховъ и домовъ,

И дружбу свяжетъ

Съ знашнѣйшими людьми:

Ихъ дружба лишь на взглядъ спѣсива;

Нѣтъ! только кланяйся, да хорошо корми,

Такъ и полюбишься. — Она не прихотлива.

А у меня тогда

Всѣ шпроки поростутъ Персидскимъ виноградомъ,

Шербетъ польется какъ вода;

Фоншаны брызнутъ лимонадомъ,

И масло розово къ услугамъ всѣхъ гостей.

А объ столѣ уже ни слова;

Я только то скажу, что нѣтъ такихъ затѣй,

Нѣтъ въ свѣтѣ кушанья такова,

Какого у меня не будетъ за столомъ;

И мой великолѣпный домъ,

Храмъ будетъ роскоши для всѣхъ, кто мнѣ лю-
безенъ,

Иль властію своею полезенъ;
Всѣхъ буду угощать: Пашей, наложницъ ихъ,
Плясавицъ, плясуновъ и Кадіевъ лихихъ —
Визирскихъ подлипалъ — и пакъ, умомъ, шрудями,
А болѣ съ знашными водятся господами,
Легко могу войти въ чины и въ знашный бракъ...

Прекрасно! точно такъ!
Вдругъ гряну къ Визирю, который красотою
Земиры дочери по Азіи гремишъ;
Скажу ему: “Визирь! вступи въ родство со мною;
Будь шестъ мой.” Естли онъ хоть чуть зашеве-
лишъ

Противное губами,
Я вспыхну, и тогда прощайся онъ съ усами!
Но нѣшъ! Визирска дочь такъ вѣрно мнѣ жена,
Какъ на небѣ луна,

И я по свадебномъ обрядѣ
На утро, въ праздничномъ нарядѣ,
Весъ въ камняхъ, въ жемчугѣ и въ златѣ какъ
въ огнѣ,

Побѣду избочась, и гордо на конѣ,
Котораго чепракъ съ жемчужной бахрамою
Унизанъ бирюзою,
Въ домъ къ тещю Визирю. — За мной и предо
мною

Пошянутся мои Евнухи по два въ рядѣ.
Визирь, еще вдали завидя мой парадъ,
Ужъ на крыльцѣ меня встрѣчаетъ,
И въ комнашы введя сажаетъ
По праву руку на диванъ
Среди куреній благовонныхъ.
Я сѣдши важно, какъ Султанъ,
Скажу ему: “Визирь! вотъ тысяча червонныхъ,
Обѣщанные мной тебѣ за первую ночь;

И сверхъ того еще вопъ пять во увѣренъе,
 Сколь мнѣ мила швоя прекраснѣйшая дочь,
 А съ ними и мое прими благодаренье.“
 Потомъ при кошелька большихъ ему вручу,
 И на конѣ спрѣлой къ Земирѣ полечу.
 День эшотъ будетъ днемъ любви и ликованій,
 А завтра, . . . о восторгъ! о верхъ моихъ желаній!
 Лишь солнце выпрыгнетъ изъ водъ,
 Вдругъ пробуждаюсь я отъ радостнаго клика,
 И слышу, весь народъ
 Отъ мала до велика,
 Толпами приваля на дворъ,
 Кричатъ составя хоръ:
 “Да здравствуетъ супругъ Земиры!
 А въ залѣ знашность: Сераскиры,
 Паши и прочіе стоятъ,
 И ждутъ, когда войти съ поклономъ имъ велятъ.
 Я всѣхъ ихъ допусшпъ къ себѣ повелѣваю,
 И шущъ-по важну роль вельможи начинаю:
 У одного я руку жму,
 Съ другимъ вступаю въ разговоры;
 На третьяго взгляну, да и спиной къ нему;
 А на тебя, Абдулъ! бросаю звѣрски взоры!
 Раскаешься тогда, сѣдой прелюбодѣй!
 Что разлучилъ меня съ Фашимою моею,
 Съ копорой около трехъ дней
 Я жилъ душою въ душу!
 О! я уже тебя не трюшу,
 А ты передо мной дрожишь!
 Блѣднѣешь, падаешь, прахъ ногъ моихъ цѣлуешь—
 Помилуй, позабудь прошедшее! жужжишь . . .
 Но нѣтъ прощенія! лишь пуще кровь взволнуешь,
 И я уже влаѣтъ не въ силахъ ставъ собой,
 Ну по щекамъ тебя! по правой, по другой!
 Пинками! — И въ жару восторга нашъ мечтатель,
 Визирской гордый зящъ, Земиры обладашель,

Ногою въ коробъ толкъ: пошъ на бокъ, а хру-
сталь
Запрыгалъ, зазвенѣлъ и — въ дребезги разбился! —
И такъ, мои друзья, хоть жаль, хошя не жаль,
Но бѣдный Альнаскаръ, . . . что дѣлать! разже-
нился.

Картина.

Ужъ ночь на Петербургъ спустила свой покровъ,
 Уже на чердакахъ у многихъ изъ творцовъ
 Погасла свѣчка и курилась,
 И ихъ обѣяная воспоргомъ голова,
 На риѣмы и слова
 Сама собой скапилась:
 Козлова ученикъ
 Въ своемъ уединеньи,
 Сидѣвшій съ Геніемъ въ глубокомъ размышленьи,
 Вдругъ слышишь шумъ и крикъ:
 Гдѣ, гдѣ онъ? Тамъ? а! здѣсь? — И видишь предъ собою
 Когожъ? — Князь Вѣтровъ шаркъ ногою! —
 “Слуга покорнѣйшій! а я, оставя балъ,
 Заѣхалъ на часокъ за собственнымъ къ вамъ дѣломъ:
 Я слышалъ, въ городѣ васъ всѣ зовутъ Апелломъ;
 Не можете ли вы мнѣ кистію своей
 Каршину написать? да только поскорѣй;
 Вотъ содержаніе: Гименъ, то есть богъ брака,
 Не тотъ, что пишется у насъ сапунъ, зѣвака,
 Иль плакса, иль брюзга; но легкой, милый богъ,
 Который бы привлечь и пруженика могъ —
 Гименъ, и съ нимъ Амуръ всегда въ воспоргѣ
 новомъ,
 Веселый, миленькой, и — живчикъ, однимъ словомъ,
 Взявъ за руки меня, подводятъ по цвѣтамъ,
 Разбросаннымъ по всѣмъ мѣстамъ,

Къ прекрасной дѣвушкѣ, боготворимой мною, —
Я завтра привезу портретъ ея съ собою.

Владычица моя въ пятнадцатой веснѣ

Вручаетъ розу мнѣ.

Вокругъ ея толпой забавы, игры, смѣхи,
Вдали жѣ подъ миртою престолъ любви, утѣхи,
Усыпанъ розами и весь почти въ пѣни
Зефиромъ вѣемыхъ съ деревъ надъ нимъ листоч-
ковъ...

Да! не забыть при томъ и спрассныхъ голу-
бочковъ —

Вотъ слабый вамъ эскизъ. — Чрезъ три, четыре
дни

Картина, думаю, ужѣ можетъ быть готова;
О благодарности жѣ моей теперь ни слова,
Докажетъ опытъ вамъ — прощайте! “ И — исчезъ.
Проходитъ ночь; съ зарей, разлившей свѣтъ съ
небесъ,

Художникъ нашъ за кисть, спарается, прудится;
Что ко лбу перстъ, то мысль родится,

И что черта,

То нова красота.

Уже творецъ картины

Свершилъ свой трудъ до половины,

Какъ вдругъ

Почувствовалъ недугъ,

И живописна кисть изъ слабыхъ рукъ упала.
Минута между пѣмъ желанная настала,
Князь Вѣтровъ женился, хотя картины нѣтъ.
Уже онъ райскіе плоды во бракѣ жнетъ;
Что день, то новый даръ въ возлюбленной Кня-
гинѣ;

Мила, божественна, при всѣхъ и наединѣ.

Ужѣ мѣсяцъ брака ихъ протекъ,

И Апеллесову болѣзнь съ собой увлекъ;

Благодаря судьбину,
 Искусникъ нашъ съ постели всталъ,
 Съ усердьемъ принялся дописывать картину,
 И въ три дни дописалъ.
 Божественный талантъ! изящное искусство!
 Какой огонь, какія чувства! ...
 Но полно, поспѣшимъ мы съ нею къ Князю въ
 домъ;
 Онъ вышелъ въ шлафрокъ, нахлученъ калпакомъ,
 И сонными взглянувъ на живопись глазами:
 “Я болѣе, сказалъ, доволенъ былъ бы вами,
 Когда бы живопись была
 Не столь игрива, весела.
 Я чувствую, она нѣжна, остра, прекрасна;
 Но для женатаго ... ужъ слишкомъ любоспра-
 сшна!
 Не можно ли ее поправить какъ нибудь? ...
 Какой морозъ! моя ужасно зябнетъ грудь:
 Прощайте!” — Апеллесъ, разставшись съ сума-
 зброднымъ,

Засѣлъ картину поправлять
 Съ терпѣніемъ, артисту сроднымъ,
 Иное въ ней спираетъ, иное убавляетъ,
 Соображая съ послѣднимъ Князя вкусомъ.
 Шестъ мѣсяцовъ пробывъ картина подъ искусомъ
 Представилась опять сіятельнымъ глазамъ;
 Но, ахъ! знать было такъ угодно небесамъ;
 Сіянье ихъ совсѣмъ зашмилось,
 И ужъ почти ничто въ картинѣ не годилось. —
 “Возможно ль! ... это я?

Вскричалъ супругъ почти со гнѣвомъ,
 Вы здѣлали меня совсѣмъ уже Хоревомъ, *
 Ужъ слишкомъ пламеннымъ, ... да и жена моя

* Действующее лице въ Трагедіи Г. Сумарокова.

Здѣсь самая Венера.

Нѣтъ, не прогнѣвайтесь, во всемъ должна быть
мѣра!“

Такъ о картинѣ Князь судилъ,
И каждый день онъ въ ней пороки находилъ.
Чѣмъ болѣе она висѣла,
Тѣмъ болѣе предъ нимъ погрѣшностей имѣла,
Тѣмъ строже переборъ онъ Князя былъ всему;
Уже не взмиллись и Граціи ему,
Потомъ и одръ любви и миршовой кусточки,
Потомъ и нѣжные слетѣли голубочки,
Потомъ и смѣхи всѣ велѣлъ закрасить онъ;
А наконецъ, увы! вспорхнулъ и Купидонъ.

Ж е л а н і я.

Сердися Лафонтенъ иль нѣтъ,
 А я съ нимъ не могу разстаться.
 Что дѣлать? виноватъ: свое на умъ нейдетъ,
 Такъ за чужое принимаюсь.
 Слыхали ль вы когда отъ нянекъ объ духахъ,
 Которыхъ за-просто зовемъ мы домовыми?
 Какъ не слышать! дѣшей всегда спращаютъ ими;
 Они во всѣхъ странахъ
 Живутъ между людей, неся различны службы—
 Безъ всякой платы, лишь изъ дружбы.
 Кто правитъ кухнею, кто холилъ лошадей;
 Иные берегутъ людей
 Отъ злова глаза и уроковъ,
 И всѣ имѣютъ даръ пророковъ,
 Одинъ изъ тѣхъ духовъ
 Былъ въ Индіи у мѣщанина
 Хранишелемъ его садовъ,
 Онъ госпожу и господина
 Любилъ не меньше какъ родныхъ;
 Всегда, бывало, ихъ
 Своимъ усердьемъ утѣшаетъ,
 И въ упражненіи всякой часъ:
 То миршочки сажитъ, то лучшій ананасъ
 Къ столу хозяевъ выбираетъ.
 Хозяямъ кладъ былъ гость такой!
 Но доброе всегда не прочно;
 Не знаю точно,
 Что было этому виной —
 Полишка, или поварищей коварство —
 Вдругъ отъ начальника приказъ ему лихой,

Летѣть въ другое государство;

Куда жѣ? сказаешь ли вамъ,

Сердца чувствительны и нѣжны?

Изъ мѣсяцѣ, гдѣ счѣта нѣтъ цвѣтамъ,

Изъ вѣчнаго тепла въ сугробы, въ горы снѣжны,

На край Норвегіи! вдругъ изъ Индѣйца будь

Лапланецъ! Такъ и бышь, слезами не поправишь,

А только лишь насадишь грудь.

“Прощайте господа! мнѣ должно васъ оставишь,

Со вздохомъ добрый духъ хозяямъ говорилъ:

Я здѣсь ужъ оислужилъ;

Нашъ Князь указъ наслалъ, предписываетъ

строгаго

Летѣть на Сѣверъ мнѣ. — Хоть грустно, но ле-

тѣть!

Не долго, милые, уже на васъ глядѣть:

Съ недѣлю, мѣсяцъ много.

Что жѣ мнѣ оставишь вамъ за вашу хлѣбъ и соль

Въ знакъ моего признанья?

Скажете: я могу исполнить при желанья. —

Извѣщенъ человекъ: просишь чего? изволь;

Сей часъ готовы крылья. —

“Ахъ, изобилья, изобилья!”

Вскричали въ голосъ мужъ съ женой.

И изобиліе рѣкой

На домъ ихъ полилося:

Въ шкапулы золотомъ, въ анбары ихъ пшеномъ,

А въ выходы виномъ —

Верблюдовъ табуны, — откуда что взялося!

Но сколькожъ и заботъ прибавилося съ тѣмъ!

Легко ли усмотрѣть за всѣмъ,

Все счесть, все записать? Минуты нѣтъ покоя:

Въ день доброхотовъ угощай,

Тому въ часъ добрый въ долгъ, другому такъ

давай,

А въ ночь дрожи и жди разбоя.

“Нѣтъ, духъ! они кричатъ: возьми свой даръ
назадъ;

Съ богатствомъ не живѣ, а живѣ сущій адъ!

Приди, спокойствія подруга неизмѣнна,

Наспавница людей,

Посредственность безцѣнна!

Приди, и возврати намъ счастье прежнихъ
дней!“—

Она пришла, и два желанія свершились;

Оспалось претѣе объявить:

Подумали они, и наконецъ рѣшились

Благоразумія просить,

Которое во всяко время

Нигдѣ и никому не въ бремя.

Пустынникъ и Фортуна.

Какой-то добрый человекъ,
 Не чувствую къ чинамъ охоты,
 Не зная страха, ни заботы,
 Безъ скуки провождалъ свой вѣкъ
 Съ Плутархомъ, съ лирой
 И Пльнирой

Не знаю точно гдѣ, а только не у насъ.
 Однажды подъ вечеръ, какъ солнца лучъ погасъ
 И мать качаетъ дитя уже переспавала,
 Нечаянно къ нему Фортуна въ домъ попала,
 И въ двери ну стучать! —

Кто тамъ? Пустынникъ окликаетъ. —
 Я, я! — Да кто, могу ли знать? —
 Я та, которая тебѣ повелѣваетъ
 Скорѣе отпереть. — Пустое! онъ сказалъ,
 И замолчалъ. —

Опровержь ли? еще Фортуна закричала:
 Я вѣкъ ни отъ кого отказа не слыхала;
 Пусси Фортуны ты со свитою къ себѣ,
 Съ богатствомъ, знанью и чинами...

Теперь извѣстна ль я тебѣ? —
 По слуху, ... но куда мнѣ съ вами?
 Поди въ другой ты домъ,
 А мнѣ не помѣстишь, ей, ей! такой содомъ. —
 Невѣжа! да пусси меня хоть съ половиной,
 Хоть съ трешью, слышишь ли? ... Ахъ! сжался
 надъ судьбиной

Великолѣпія, ... оно ужъ чуть дышитъ,
 Надъ гордой знапностью, которая дрожитъ,

И стоя у порога мерзнетъ;
Тронись хоть славою, мой миленькой дружокъ!
Еще минуша, все исчезнетъ! . . .
Упрямый! дай хоть желанью уголокъ. —
Да опьянися ты, лихая пустомбля!
Пустынникъ ей сказалъ: ну, право! не могу.
Смотри: одна и есть постеля,
И ту я для себя съ Пльнирой берегу.

Искатели Фортуны.

Кто на своемъ вѣку фортуны не искалъ?
 Что, естлибѣ силою волшебною какою
 Всевидающимъ я сталъ
 И вдругъ открылись предо мною
 Всѣ, всѣ, которые и бѣгутъ и ползутъ,
 И скачутъ и плывутъ,
 Изъ царства въ царство рыщутъ,
 И дочери судьбы ошмѣнной красоты,
 Иль убѣгающей мечты,
 Безъ отдыха столь жадно ищутъ?
 Бѣдняжки! жаль мнѣ ихъ: ужъ кажется въ ру-
 кахъ,
 Ужъ сердце въ восхищеньи бьется...
 Вотъ только что схватить, ... хоть какъ,
 такъ увернешся,
 И въ тысячи уже верстахъ!
 “Возможноль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
 Давноль такой-то въ насъ искалъ?
 А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!
 Онъ въ счастіи расцвѣтъ, а насъ за грязь ки-
 даютъ!
 Чѣмъ хуже мы его? — Пусть лучше во сто разъ,
 Но что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ
 глазъ;

А къ этому прибавимъ:
 Чинъ стоишь ли того, что для него оставимъ
 Покой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
 Который въ старину удѣломъ былъ боговъ?
 Фортуна женщина: умѣрьте вашу ласку;
 Не бѣгайте за ней; сама смягчится къ вамъ.—

Такъ милый Лафонпенъ давалъ совѣты намъ,
И сказывалъ въ примѣрѣ почти такую сказку:

Въ деревнѣ ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ не вдалекѣ

Два друга жили,

Ни скудны, ни богаты были.

Одинъ все счастье ставилъ въ томъ,

Чтобы нажить огромный домъ,

Деревни, знатный чинъ, — то и во снѣ лишь ви-
дѣлъ;

Другой богатствъ не ненавидѣлъ,

Однакожъ ихъ и не искалъ,

А каждую ночь покойно спалъ.

Послушай, другъ ему однажды предлагаетъ:

На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ:

Чегожъ и намъ здѣсь ждешь? ... со временемъ
сумы.

Побдемъ лучше мы

Искать себѣ добра; войши, сказать умѣемъ. —

Авось мы и найдемъ, авось разбогатѣемъ.

Сступай, сказалъ другой,

А я остануся, мнѣ дорогъ мой покой,

И буду спать, пока мой другъ не возвратится. —

Тщеславный этому дивился

И ѣдетъ; на пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,

Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напоследокъ встрѣ-
тилъ

Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ:

Любимый уголокъ фортуны, то есть дворъ.

Приспалъ къ нему, и по обряду

Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:

Тамъ спрѣлкою стоилъ, не смѣя и дышать,

Здѣсь пакаетъ изъ всей онъ мочи,

Тутъ шепчетъ на ушко — короче, дни и ночи

Нашъ вишязь самъ не свой;

Но все то было впустъ!

Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,
 Да слушай объ одной фортуны,
 А самъ все ничего!
 Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего.
 Слуга покорный вамъ, господчики! прощайте,
 И впредь меня не ожидайте;
 Въ Сурашъ, въ Сурашъ лечу; я слышалъ въ сказ-
 кахъ, тамъ
 Фортуны съ давнихъ лѣтъ курился еиміамъ.
 Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны заблѣли.
 Но что же? Не прошло недѣли,
 Какъ странствователь нашъ отправился въ Су-
 рашъ,
 А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
 На родину свою; корабль то загорался,
 То на мѣль попадалъ, то въ хляби погружался;
 Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ;
 Бѣднякъ бѣсился, клялъ — извѣстно, лютый
 рокъ,
 Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядная пѣснь пѣла!
 Безумцы! онъ судилъ: съ какимъ трудомъ край
 свѣта
 Мы ловимъ смерть, а къ ней и дома два шага!—
 Синѣютъ между тѣмъ Индѣйски берега,
 Попутный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ къ
 спашъ
 Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Су-
 рашъ!
 Фортуна здѣсь? его былъ первый всѣмъ вопросъ.
 Въ Японіи, сказали.
 Въ Японіи! вскричалъ герой повѣся носъ:
 Быть такъ! плыву шуда. — И поплылъ, но къ
 печали
 Разбѣхался и тамъ съ фортуною слѣпой!
 Нѣтъ! полно, говоритъ, гоняюсь за мечшой—

И съ первымъ кораблемъ въ опчизну возвра-
тился.

Завидя издали опеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній, милый кровъ,
Нашъ мореходецъ прослезился,
И отъ души вздохнувъ, сказалъ:

Ахъ! счастливъ, счастливъ тотъ, кто лишь
по слуху зналъ

И дворъ и Океанъ и о слѣпой богинѣ.

Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пусшынѣ.
И такъ съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ и въ
глазахъ,

Въ опчизну наконецъ вступаешь;

Летишь ко другу, — чуждъ? какъ друга обрѣ-
щаешь?

Онъ спитъ, и у него фортуна въ головахъ.

П р и т у д н и ц а.

Вѣ Москвѣ, которая и вѣ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ,
А только слышалъ я, что Рускіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки;
Не запирали женъ вѣ высоки чердаки,
Но слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ вѣ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Со другомъ дома, иль одна
И на качеляхъ быть вѣ день свѣтла воскресенья,
И вѣ кукольной театрѣ отъ скуки завернуть,
И вѣ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть —
Вѣ Москвѣ, я говорю, Вѣтра процвѣтала;
Она пригожесствомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала.
Имѣла мать, отца,
Имѣла лесную власть щелчки давать супругу,
Имѣла, словомъ, все: большой, песочный домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шуповъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ почто, какъ она — однако меньше знали.
Вѣтра куколкой всегда разряжена,
И каждый день окружена,
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами —
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ, что всякъ изъ нихъ завидовалъ по ей,
То цугу вороныхъ коней,

То парчевому ея плащю,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна *Вѣтра* лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь, — вѣдь есть же на свѣту

Такіе чудны нравы —

Не прогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пияномъ:

Тотъ глупъ, другой уродъ; тотъ ужасъ не-
разлученъ;

Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;

Та все чинится, та болтлива;

А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива. —

Такой опзываетъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ;

Родня и другъ ее забылъ,

Любовникъ разлюбилъ;

Прѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ

Часъ отъ часу спалъ рѣже, рѣже —

Осталась, наконецъ, лишь съ гордостью одной —

Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,

Надутой, но пустой?

Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу! —

Пожалуй, я въ глаза сказанъ ей то не спрушу.

И такъ *Вѣтра* съ ней сначала ну звать,

Потомъ ужъ и грустить, потомъ и посковать,

И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать

За крестной матерью, — а та, извольте знать,

Чудесной силою невѣдомой науки

Творила на Руси неслыханныя штуки! —

О если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,

Драгунской випязь мой, о Роммистръ Брамер-

басъ!

Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ
 краѣ
 Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ! . . . я помню какъ
 во снѣ,
 Что ты рассказывалъ еще ребенку мнѣ,
 Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ
 Оборота тебя въ драгунскаго коня,
 Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
 Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи;
 Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
 Съ какой, бывало, ты рассказывалъ размашкой
 Въ колѣхъ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
 За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной
 чашкой!
 Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
 Какъ волосы твои сѣдые съ желтиною
 Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
 Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
 Въ подобномъ твоему я страхъ бывъ и самъ,
 Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
 И что ужъ ты не конь, . . . еще тому не вѣрилъ!
 О естъли бы теперь ты випязь мой, воскресъ,
 Я бѣ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
 Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску—
 Но, ахъ! тебя ужъ нѣтъ, и былъ идепъ за сказку!—
 Простите, виноватъ! не много отступилъ,
 Но истинно не я, воспоргъ причиной былъ;
 Однако я клянусь моимъ Пермесскимъ богомъ,
 Что буду продолжая обыкновеннымъ слогомъ,
 И такъ дослушайте жѣ: однажды вечеркомъ
 Сидипъ облокопясь *Вѣтра* подъ окномъ,
 И возведя свои уныло-ясны очи
 Къ задумчивой лунѣ, сесприцѣ смуглой ночи,
 Грустипъ и думаетъ: “Прекрасная луна!
 Скажи, не ты ли та счастливая страна,

Гдѣ машушка моя ликуетъ?
 Увы! не ужель ей, которой небеса
 Вручили власть шворишь различны чудеса,
 Невѣдомо шеперь, что дочь ея шоскуетъ;
 Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ,
 И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
 Ахъ! ешлы бы она хопъ глазки показала! —
 И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей предшала:
 Здорово, дитяшко! *Вѣтранъ* говоритъ:
 Какъ поживаешь ты? ... Но что швой кажетъ
 видъ?

Ты такъ стара, такъ похудѣла!
 И бывши розою, какъ лилія блѣдна!
 Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
 Откройся, ... — Машушка, отвѣтствуетъ она:
 Я жизнь мою во сукѣ шрачу;
 Наспанетъ день, шоскую, плачу;
 Покроетъ ночь, опять грущу
 И все, чего-то я ищу. —
 Чего же, свѣшкѣ мой? или ты не здорова? —
 О! нѣтъ, грѣшно сказашь. — Иль домъ вашъ не
 богатъ? —
 Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палашъ. —
 Иль мужъ обычая лихова?
 Напрошивъ, врядъ найши другова,
 Который бы жену столь горячо любилъ. —
 Иль онъ не нравится? — Нѣтъ, онъ довольно
 милъ. —
 Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна? —
 Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ доспойна. —
 Чего же, глупенька, шобѣ недосшаетъ? —
 Признаться, машушка, мнѣ такъ наскучилъ
 свѣтъ,
 И такъ я все въ немъ ненавижу,
 Что то одно и сплю и вижу,

Чтобъ какъ нибудь попастъ опсель,
 Хошя за *тридцать* земель;
 Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
 Все новостію поражало
 И рѣдкостію мой умъ и взоръ;
 Гдѣбъ разныхъ дивностей соборъ
 Предспавилъ быль, какъ небылицу...
 Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу! —
 Старуха хитрая, кивая головой,
 Что дѣлалъ, мыслила, мнѣ съ прозьбою такой?
 Желанье дерзко, ..., безразсудно,
 То правда; но его исполнишь мнѣ не шрудно;
 За чѣмъ же дурочку отказомъ огорчишь? ...
 Ктомужъ, я пѣмъ могу ее и поучишь. —
 Изрядно! наконецъ сказала:
 Исполнишь, какъ ты желала. —
 И вдругъ, о чудеса!
 И крестница и мать взвились подъ небеса
 На лучезарной колесницѣ,
 Подобной въ быспрошѣ синицѣ,
 И меньше, нежелъ въ при мига,
 Спустились въ новый міръ отъ нашего отмѣн-
 ный,
 Въ кошоромъ проиъ весиъ воздвигнуиъ неиз-
 мѣнный!
 Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ бе-
 рега,
 Деревья яблонны, кусшочки ананасны,
 А горы всѣ или янтарны, иль топасны;
 Каковъ же Феинъ былъ дворецъ? признашь-
 вамъ,
 То врядъ изобразитъ и Богдановичъ * самъ.

* Иллолитъ Федоровичъ, Авторъ Поэмы: Душенька.

Я только то скажу, что всѣ матеріалы —
 А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ —
 Изъ коихъ Феинъ кумъ, какой-то славный духъ
 Дворецъ сей згромоздилъ, лишъ изумрудъ, опалы,
 Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
 Жемчугъ и лалъ,
 Всѣ, словомъ, рѣдкости богатая природы,
 Какими свадебны набишы Руски оды;
 А садъ — повѣришь? — не только описатьъ,
 Иль въ сказкѣ рассказать,
 Но даже и во снѣ его намъ не видашь.
 Пожалуй, выдумать не трудно:
 Но все то будетъ мало, скудно,
 Иль много, много что во тѣмъ кудрявыхъ словъ
 Удася Сарское сѣло любъ представитъ,
 Арминъ садъ, иль Пешергофъ;
 Такъ лучше эшотъ трудъ оставишь
 И далъ продолжай: *Вѣтра* николи
 Диковинокъ такихъ не видя на земли,
 Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ,
 И мыслишь, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
 Войдя же въ храмины чудесницы своей,
 И пуще щурится. То блескъ отъ хрусталей,
 Сребристыя луны сражая съ лучами,
 Которые бѣ почли за солнечные нами,
 Какъ яркой молніей слѣпитъ *Вѣтринъ* взоръ;
 То перламутръ хрупитъ подъ ней, или фарфоръ —
 Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
 Но бышь ужъ такъ, когда пустился.
 И такъ переступя одинъ, другой порогъ,
 Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чер-
 тогъ
 Не въ шеркомъ, но самъ собою разтворился! —
 Ну, дочка! поживай и веселися здѣсь,
Всѣгда говоришь: не только дворъ мой весь,

Но даже и Духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ моимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправляюсь на мало время —

Вѣдь у меня заботъ беремъ —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она не далеко живетъ отсюда — въ Колѣ,
Да по дорогѣ ужъ оттолѣ

Зайду и къ брату я,
Камчатскому Шаману,
Прощай душа моя!

Надѣюсь, что тебя довольнѣе застаю.
Тутъ коврикъ *Самолетъ* она подослала,
Спустила, свистнула, и въ мигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.

А удивленная *Вѣтра*,
Какъ новая Діана

Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ.
Они потъ часъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали, и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.

Вѣтра кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти, какъ ты — — — мила —

Поджавши руки вокругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце улаждать —
Потомъ она едва задумала вставать;

Вдругъ дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало;
Ужъ спальней сдѣлалась она!

Вѣтра чувствуетъ пріятную помногу сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплешенномъ
нишѣ,

И въ потъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ пише, пише, пише,

И вмѣстѣ, наконецъ, съ *Вѣтраною* уснулъ.
 Прошла спокойна ночь; Нашура пробудилась;
 Зефиръ вспорхнулъ,
 И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ возкурилась;
 Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
 Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
 И съ шумомъ рѣзваго фонтана
 Воспѣлъ: “Проснись, проснись, счастливая
Вѣтрана!“

Она проснулась — и спальня ужъ садъ!
 Жилище райское веселій и прохлады!
 Повсюду чудеса *Вѣтрана* обрѣтала:
 Гдѣ только ступишь лишъ, шупъ роза разцвѣ-
 тала!

Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны деревья,
 Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
 Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ опливаетъ;
 Тамъ рѣчка по песку злашному протекаетъ;
 Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
 Мелькаютъ рыбки золотыя;
 Тамъ пшички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
 И попугаи голубыя

Со эхомъ въ запуски швердятъ:
 “*Вѣтрана!* насыщай свой взглядъ!“

А съ полднемъ новая картина:
 Садъ превратился въ храмъ
 Украшенный по сторонамъ
 Столпами изъ рубина;
 И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ
 Изъ разныхъ въ хрусталъ цвѣтовъ.
 И вдругъ отъ свода опустился
 На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ серебра
 Съ такоюжъ пищею, какъ вчера,
 И въ воздухъ остановился;
 А подъ *Вѣтраною* очутился

Съ подушкой бархатною тронъ,
 Чтобы съ него ей кушать,
 И пѣніе, какимъ гордился бѣ Амфіонъ,
 Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.—
 По чести! это рай! ну, естли бы теперь,
 Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь...
 И слово не скончавъ въ пріемо она взглянула —

Сошла со трона и вздохнула!
 Что дѣлала попомъ она во весь помъ день,
 Признайся, сказывать и лѣнь,
 И не умѣешь, и было бы не ксать;
 А только объявлю, что въ эпой же палатъ
 Иль въ храмъ, какъ угодно вамъ,
 Былъ и вечерній столъ приличный лишь богамъ,
 И что на утро былъ день новыхъ превращеній
 И новыхъ восхищеній,

А на другой день тоже. — “Но что это за міръ?
 Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
 Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ:
 Все эдакъ, то поска возьметъ и среди рая!
 Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
 Но что мнѣ въ помъ, когда товарища не вижу?
 Увы! я пущѣ жизнь мою возненавижу!
 Веселье веселитъ, когда его дѣлишь.” —

Лишь это вымолвить успѣла,
 Вдругъ набѣжала тѣма, вспалъ вихорь, грянулъ
 громъ,

Ужасна буря заревѣла;
 Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
 Какъ не бывалъ волшебный домъ;
 И бѣдная Вѣтрана
 Бѣдна, безгласна, бездыханна,
 Спрямглавъ лепитъ, лепитъ, лепитъ —
 И гдѣжъ, вы мыслите, упала?
 Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,

Жилища вѣдьмѣ, волковѣ,
Разбойниковѣ и злыхъ духовѣ!

Вѣтра на возрыдала,
Когда опомнившись узнала,
Куда попалася она;

Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была: ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!

Лишь воемъ вѣпрѣ, лишь листѣ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелезаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, ищи ли ей, иль нѣтъ,
И ждашь, когда луны забрезжитъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! И такъ она рѣшилась
Не мѣшкая ищи; и такъ перекрестилась,
Вздохнула, и пошла по вязкому песку

Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь спупитъ шагъ
ногою:

Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ хулу!
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышишься ау, то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;

То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы посылалъ.

Не даромъ и Вѣтра на плачетъ!
Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечъми,
Стой! стой! онъ гаркаетъ сверкаючи очъми;
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ!...

И бросилась къ *Вѣтранѣ*. —

Ахѣ, бабушка! за чѣмѣ явилась ты не ранѣ?

Вѣтрана говоришѣ: гдѣ это я была?

И что я видѣла?... страхѣ... ужасѣ! — Ты
спала,

А видѣла лишь бредѣ, *Всевѣда* отвѣчаетѣ;

Проси — развеселясь спаруха продолжаетѣ:

Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты

По молодости лѣшѣ ударилась вѣ мечшы;

И для того, когда ты съ прозьбой приступила,

Трехсуточнымѣ тебя я сномѣ обворожила

И вѣ сновидѣніяхѣ представила тебѣ,

Что мы всегда нужой завидуя судьбѣ

И новыхѣ благѣ желая,

Изѣ доброй воли вѣ адѣ влечемѣ себя изѣ рая.

Гдѣ лучше, какѣ вѣ своей родимой жипѣ семьѣ?

И такѣ, впередѣ спрашисѣ ты покидашѣ ее!

Будѣ добрая жена и машѣ чадолюбива,

И будешѣ всѣми ты почтенна и счастлива. —

Сѣ симѣ словомѣ бросилась *Вѣтрана* обнимашѣ

Супруга, всѣхѣ родныхѣ и добрую *Всевѣду*.

Потомѣ всѣ сродники приглашены къ обѣду;

Наѣхали, нашли, и сѣли пировашѣ:

Ужѣ лицецѣ зишипѣлѣ, все стало веселѣе,

Всякѣ пьешѣ и говоришѣ любуясѣ на бокалѣ:

“Что мапушки Москвы и краше и милѣе?” —

На силу досказалѣ.

Воспитаніе Льва.

У льва родился сынъ. Въ столицѣ, въ городахъ,
 Во всѣхъ его сѣранахъ
 Потѣшныя огни, веселья, жершвы, оды;
 Мохнатые пѣвцы всѣ въ запуски кричатъ:
 Скачи земля! въыграйше воды!
 У льва родился сынъ! — и въправду, кто не
 радъ?
 Межъ тѣмъ, когда всякъ звѣрь въосторгомъ упи-
 вался,
 Царь - левъ, какъ умный звѣрь, заботамъ пре-
 давался,
 Кому бы на руки дитя свое отдатьъ:
 Наспавникъ долженъ быть уменъ, ученъ, незло-
 бенъ.
 Кто бѣ изъ звѣрей къ тому былъ болѣе спосо-
 бенъ?

Не шушка скоро отгадать.
 Царь въ нерѣшимости велѣлъ совѣщѣ собраться;
 Въ благоволеніи своемъ его увѣря
 Препоручилъ избрать ему
 По чистой совѣсти, по долгу своему
 Для сына въ меншоры достойнѣйшаго звѣря.
 Всталъ тигръ, и говоритъ:
 “Война, война Царей великими шворитъ;
 Твой сынъ, о Государь! быть долженъ страхомъ
 свѣта;
 И такъ образовашъ его младыя лѣта
 Лишь тотъ способенъ изъ звѣрей,
 Который всѣхъ, по левѣ, ужаснѣй и страшнѣй.” —

“И осторожнѣе, медвѣдь къ тому прибавилъ: —

Чтобъ онъ младаго льва наставлялъ,
Умѣть и храбростью своею управлять.”

Противу мнѣнья двухъ лисъ ипти не можно;

Однакожъ, такъ и сякъ начавъ она вилять,

Замѣтила, что дядькѣ должно

Знать и полипику, быть хитраго ума,

Короче, какова сама.

За нею шопъ и шопъ свой голосъ подавали,

И всѣ они хотя себя не называли,

Но ясно намекали,

Что въ дядьки лучше ихъ ужъ не кого избрать.

Совѣты и вездѣ почти на эту спастъ.

“Позволено ль и мнѣ сказать чешыре слова?

Собака наконецъ свой голосъ подала:

Полипики, войны нѣтъ слѣдствія другова,

Какъ много шума, много зла.

Но славенъ добрый Царь коварствомъ ли и кровью?

Какъ подданныхъ своихъ составитъ счастье онъ?

Какъ будетъ ихъ опцемъ? чѣмъ утвердитъ свой
пронъ?

Любовью.

Вопъ шайнство, вопъ ключъ къ высокой и
святой

Наукъ добраго правленья!

Ктожъ Принцу лучшія подастъ въ ней настав-
ленья?

Никто, какъ самъ отецъ.” — Тигръ сморщилъ
какъ шальной,

Медвѣдь, другіе пожъ; а левъ отъ умиленья

Заплакавъ, бросился собаку обнимать.

“Почто, сказалъ, давно не могъ тебя я знать?

О добрый звѣрь! тебѣ вручаю

Я счастье мое и подданныхъ моихъ;

Будь сыну моему наставникомъ; я знаю,

Сколь пагубны льстецы: укрой его отъ нихъ;

Укрой и отъ меня — въ твоей онъ полной волѣ.“
 Собака отъ Царя идетъ съ дитяшей въ поле,
 Лелѣетъ, пѣснуетъ и учитъ между тѣмъ.
 Урокъ былъ первый тотъ, что онъ щенокъ, не
 львенокъ,
 И въ дальнемъ съ нимъ родствѣ. Проходитъ
 день за днемъ,
 Уже питомецъ не ребенокъ,
 Уже наставникъ съ нимъ обходитъ всѣ страны,
 Которыя въ удѣлѣ отцу его даны;
 И львенокъ въ первый разъ узналъ насильство
 власи,
 Народовъ нищету, звѣрей худыя спраси:
 Лиса ѣстъ кроликовъ, а волкъ душилъ овецъ,
 Оленя давилъ барсъ; повсюду, наконецъ,
 Могучіе богаты,
 Безсильные отъ нихъ кряхтятъ,
 Быки работаютъ безъ плахи,
 А обезьяну золотятъ.
 Левъ молодой дрожитъ отъ гнѣва: —
 “Наставникъ! онъ сказалъ, подобныя дѣла
 Доходятъ ли когда до свѣденья Царева?
 Ахъ, сколько бѣдствій, сколько зла!“ —
 “Какъ могутъ доходить? собака отвѣчаетъ:
 Его одна толпа счастливецвъ окружаетъ,
 А имъ не до того; а тѣ, кого свѣдятъ;
 Не говорятъ.“
 И такъ нашъ львенокъ, безъ дальнихъ раз-
 мышленій
 О томъ, въ чемъ доброму и мудрости ставитъ
 свѣтъ,
 И добръ сталъ и уменъ; но въ этомъ дива-
 нѣтъ.
 Примѣръ и опытность полезныя наставленій.
 Онъ въ доброй школѣ той возраста получилъ

Разсудокъ, мудрость, крѣпость тѣла;
Однакожъ все еще не вѣдалъ, кпо онъ былъ;
Но вошъ, какъ случай самъ о томъ ему от-
крылъ:

Однажды на пуши собака захотѣла
Взяшь отдыхъ, и легла подъ тѣнію деревъ.
Вдругъ выскочилъ злой шигръ, разинувъ спра-
шный зѣвъ,

И прямо къ ней — но левъ,
Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, запрясъ космашой голо-
вою,

Взревѣлъ, и шигръ уже расперзанный лежитъ!
Потомъ онъ въ радости къ наставнику бѣжитъ
И вопиетъ: “побѣдилъ! благодарю судьбину!
Но я ль то былъ, иль нѣтъ? ... повѣришь ли,
отецъ,

Что въ этотъ мигъ, когда швой близокъ былъ
конецъ,
Я вдругъ почувствовалъ и жаръ и силу львину;
Я точно ... былъ какъ левъ!” — Ты точно левъ
и ешь,

Наставникъ отвѣчалъ облившиися слезами:
Готовься важную услышать, сынъ мой, вѣсть:
Опнынъ, ... кончилось равенство между нами;
Ты Царь мой! поспѣшимъ возвратомъ ко двору.
Я все употребилъ, что могъ тебѣ къ добру,
Но ты ... и радости и грусти мнѣ причина!
Прости, о Государь! невольно слезы лью ...

Отечеству отца даю,
А самъ ... теряю сына.

С М Ъ С Ъ.

Тибуллова Элегія.

Пускай кто многими землями обладаетъ,
Въ день копилъ золото, а въ ночь недосыпаетъ,
Спрашася и во снѣ военныя трубы:
Тибуллѣ унизился бѣ желавъ его судьбы;
Тибуллѣ въ убожествѣ, не знаменъ, ... но дово-
ленъ,
Когда онъ въ хижинкѣ своей спокоенъ, воленъ,
Живетъ съ надеждою, съ любовію въ проемѣ,
И полный властелинъ въ владѣніи своемъ.
Хочу, и дѣлаю: по въ скромномъ огородѣ
Душисты рву цвѣты и гимнъ пою природѣ;
То пропки по снуру прямыя провожу,
То за прививками младыхъ деревъ хожу,
То гряды не спыдаясь самъ заступомъ копаю;
А иногда воловъ лѣнивыхъ загоняю;
Иль весело бѣгу съ барашкомъ на рукахъ,
Который позабытъ былъ матерью въ лугахъ.

Богамъ усердный жрецъ, я первенцы земные
Всегодно приношу на олтари святыя;
Палесѣ жертвую домашнимъ молокомъ,
Помонѣ каждымъ вновь родившимся плодомъ;
А предъ шобой всегда, Церера злаповласа!
Я вѣшаю вѣнокъ сплетенный мной изъ класа.

О Лары! нѣкогда я въ жертву приносилъ
Прекрасныхъ вамъ шельцовъ, тогда . . . богатырь
я былъ!

А нынѣ и овна считаю важнымъ даромъ!
Но я и въ бѣдности благодаренья съ жаромъ
Любимаго изъ нихъ закланію предамъ;
Да воскурится паръ отъ жертвы къ небесамъ
При пѣсняхъ юности безпечной и веселой,
Просящей отъ небесъ вина, иль жашвы зрѣлой!
Услышьте, боги, нашъ сердечный, крошкій гласъ
И скудные дары не презрите отъ насъ!
Первоначальный даръ вамъ, боги, посвященный,
Проснѣйшій былъ сосудъ, изъ глины сотворенный.

Я о родительскомъ богатствѣ не пужу;
Безпечно дней моихъ остатокъ провожу;
Работаю, смѣюсь, иль съ музами играю,
Или подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнца иногда дождь мѣлкой чуть шу-
мишь:

Я слушаю его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе, и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.
Иль въ мрачну бурну ночь въ объятіяхъ драгой,
Не слышу и грозы гремящей надо мной.
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!
Пускай Мессалъ льститъ оружія успѣхи,
Одержанныя имъ побѣды на войнѣ;
Пускай подъ лаврами на гордомъ онъ конѣ
Съ полками плѣнниковъ при плескахъ въ Римъ
вступаетъ
И славы своея лучами поражаетъ;
А я, . . . пускай отъ всѣхъ остануся забвенъ!
Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рож-
денъ;

Но Деліи во вѣкѣ не огорчу разлукой;
Одна ея слеза была бѣ мнѣ тяжкой мукой.
Прочь слава! не хочу житьъ въ будущихъ вѣ-
кахъ!

Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія! глазахъ:
Съ тобой и дика степь Тибуллу будетъ раемъ;
Съ побою онъ готовъ быть зноемъ пожигаемъ
И ночи на сырой землѣ препровождать.
Ахъ! можешь ли покой и одрѣ богатый дать
Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою?
О Делія! я жизнь лишь чувствую побою;
Одинъ твой на меня умильный, страшный
взглядъ
Безцѣнный всѣхъ чести, триумфовъ и наградъ!

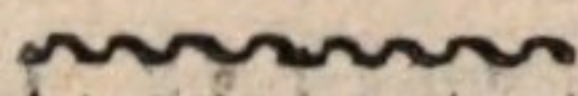
Но все пройдетъ, . . . Увы! и Делія не спанетъ!
Быть можешь, . . . Нѣтъ! пускай твой прежде
другъ увянетъ;
Пускай, когда чреда отжить ему придетъ,
Еще онъ на тебя взоръ томный возведетъ;
Еще, готовясь на вѣчную разлуку,
Дрожащею рукой сожметъ твою онъ руку,
Вздохнетъ, . . . и на твоей груди испуститъ
духъ.

О Делія! душа души моей и другъ!
Ужель на мой костеръ ни слезки не уронишь?
Нѣтъ! сердце у тебя не каменно: ты спонишь,
Рыдаешь, Делія! — и нѣжныя сердца
Желаютъ моему подобнаго конца. —

Изчезни грустная мысль! что будетъ, не ми-
нуетъ:
Почтожъ душа моя до времени тоскуетъ?

Еще Сатурнѣ моихѣ не осребрилѣ власовѣ;
 Еще я крѣпокѣ, здоровѣ по благоспи боговѣ.
 Не унывай, Тибуллѣ, и пользуйся годами!
 Укрась чело свое ты свѣжими цвѣтами,
 И посвящи любви сей быстрый жизни часѣ,
 Въ который жаркій спорѣ утѣхою для насѣ
 И смѣлый, дерзкой шагѣ есть подвигомѣ ге-
 ройства,
 Отважность и любовь, то молодости свойства.
 Начальствую ль какѣ вождѣ, иль самѣ я пред-
 водимѣ,
 Равно я въ сей войнѣ, великѣ, неутомимѣ;
 Сверни же предо мной знамена, Марсѣ кровавой!
 И не прельщай меня безсмертной въ мѣрѣ славой;
 Готовь трофеи ты съ увѣчемѣ для другихѣ:
 Предѣ ними всѣ вѣнцы! я счастливѣ и безѣ нихѣ;
 Богатства не хочу, а нужное имѣю,
 И что всего милѣй, я Деліей владѣю!

О выгодахъ быть любовницею
Стихотворца.

Прелестна! веселись; мой рокъ уже рѣшился.
Внимай и поржеславуй: я съ вольностью про-
спился!

Спыжуся слабости, но признаюсь въ томъ,
Что спала ты моимъ опнымъ божествомъ.
Тебѣ и лиру я и сердце посвящаю.

Но что! я о швоей побѣдѣ возвѣщаю,
Я падаю къ швоимъ съ признаніемъ ногамъ,

А ты моимъ словамъ

Съ холодностью внимаешь!

Уже ли ты не поспигаешь,

Какое счастье, какая слава шой,

Которая прельсшилъ своею красотою

Питомца Музъ и Аполлона?

Или не знаешь ты, что власненъ данъ онъ шю,

Предъ чѣмъ богатство, власнь, корона

Всѣ благи міра — вздоръ, ничто?

Поэтъ — примѣромъ я... едва воспламенился,

И въ мигъ въ умъ его пыма, пыма чудесъ ро-
дился:

Въ минушу онъ тебя въ богиню претворилъ,

И всѣхъ тебѣ сердца на вѣки покоришъ;

Онъ топчасъ дастъ тебѣ усмѣшку, взглядъ
Авроры,

Тебеи молодость, прекрасную пынь Флоры

И всѣхъ умильностей и прелестей соборъ,
 Какими Граціи блистаютъ и Венера.
 На что ни взглянешь ты, все твоей украситъ
 взоръ,

Вездѣ представится иль Книдъ, или Цитера.

Куда ты ни пойдешь, повсюду за тобой

Различныя утѣхи,

Забавы, игры, смѣхи

Погонятся толпой.

О красотѣ твоей узнаютъ всѣ предѣлы;

Изъ глазъ твоихъ посыплотъ сирѣлы,

Которыя пронзятъ и у Факира грудь.

Лишь взглянешь, плѣнникъ ктонибудь!

Распустишь волосы свои предъ туалетомъ —

Когда бы ни было, зимой ли то, иль лѣтомъ —

Тотчасъ Зефиръ готовъ ихъ кудри развивать,

И прохлаждая цѣловать;

Къ источнику ль свой путь направишь,

Онъ пише помечетъ; ты и его заставишь

Удерживать свои блестящія струи,

Чтобъ долѣе глядѣть на прелести твои.

На лугъ ли спутишь ты, цвѣты на немъ ро-
 дятся;

Лилей нѣжныя и розы возгордятся,

Надѣясь, что ты, Прелеста, ихъ сорвешь

И милому дружку вѣнокъ изъ нихъ сплешь;

Но вѣрно на тебя они лишь только взглянутъ,

Съ досады и стыда увянутъ.

Ты всѣхъ, Прелеста, ихъ запымишь!

Подъ липою ль сидишь,

Гдѣ тѣнь тебѣ готова,

Въ минушу пшички всѣ, не говоря ни слова,

Слешатся, запоютъ, чтобъ слухъ твой утѣ-
 шать;

Но вздумай только ты къ ихъ пѣнію приставь,

Онѣ умолкнушѣ вдругѣ. Да кто и въ самомѣ
 Столь будешѣ дерзновенѣ, чтобѣ пѣль при Фи-
 ломелѣ?
 А что до разума — О! въ эшомѣ вѣрь, мой
 свѣшѣ!

Что я, который самѣ изрядный умѣ имѣю,
 Легко найду и въ той, къ которой въ спра-
 сии пѣлю.
 Миѣ стоишѣ захопѣшь, ты въ мигѣ родишь со-
 нешѣ,

Иль пѣсню, ... что тебѣ угодно?
 Все напишу, хощя Поэту и не сродно
 Ссужать добромѣ своимѣ другихѣ:
 Но что не здѣлаешь для прелестей твоихѣ!
 Когда же, наконецѣ, Киприда раздраженна
 За то, что для тебя краса ея забвенна,
 Упросишѣ Паркѣ пресѣчь нишѣ жизни твоея —
 Прелестя! не спрашисѣ ни мало, будь спокойна;
 Не плача смерть твоя, но зависши достойна.
 Прелестя! ты умрешѣ - - - но живѣ останусѣ я,
 Любовникѣ спрасный твой въ элегіи возсто-
 ненѣ,
 Разшреплешѣ волосы и въ морѣ слезѣ потонешѣ;
 Все скажетѣ, что сказашѣ Овидіи могѣи,
 И ты безсмертною пребудешѣ на земли.
 Любовникѣ твой тебя, во храмѣ Мнемоз-
 ины,

Между Глицеріи посадешѣ и Корины. —
 Не лестная ль тебя, Прелестя, ждешѣ судьба?
 Ахѣ! осчастливи же ты любовника, раба,
 Который предѣ тобой клянется Аполлономѣ,
 Что онѣ малѣйшее желаніе твое

Священнымѣ будешѣ чтишѣ закономѣ!
 Возьми, возьми на вѣкѣ ты сердце въ дарѣ мое,

Люби меня --- хотя для собственныя славы!
Или страшись! и жди, чю пересила страсть,
Забывши вѣрности утѣхы

И скучась наконецъ сносишь сурову часть,
Со равнодушіемъ на вѣкъ тебя оставлю,
Другую люблю, другую и прославлю.

Степъ поцѣлуевъ.

Прелестна Лизанька! на этомъ самомъ полѣ,
Подъ тѣнью эшихъ липъ ты слово мнѣ дала,
Сто поцѣлуевъ дать; но только сто, не болѣ.
Ахъ! Лиза, видно ты вѣкъ спраспной не была!
Дай сто, дай тысячу, дай тьму, все будетъ
мало

Для сердца, что къ тебѣ любовью воспылало;
Послушай, Лизанька! который изъ боговъ
На расточеніе былъ скупъ своихъ даровъ?
Благотворишь, не зная предѣловъ, вошь ихъ
мѣра!

Считала ли Церера
Всѣ класы, коими она
Чело природы украшаетъ,
Когда ее обогащаетъ?
И Флора милая, съ которой ты сходна,
Скупыми ли, скажи, руками
Кидаешь на землю душистые цвѣты?
Иль нѣжнаго возьми въ примѣръ Зефира ты:
Онъ вѣчно росписи не знаетъ
Всѣмъ розамъ, коихъ здѣсь въ кусточкахъ ло-
бызаетъ.

По каплѣ ль падаетъ небесная роса
Для освѣженія полей, луговъ опъ зною?
Не правда ли, что иногда
Юпитеръ льетъ ее рѣкою?
Жалѣла ль для цвѣтовъ своихъ Аврора слезъ?
Нѣтъ! міръ свидѣтель въ томъ, что жили
небесъ

И худо и добро, все сыплюшъ къ намъ безъ мѣры.

А ты, совмѣстница Венеры!

Которой сынъ ея вручилъ такую власть,
Что взглядомъ можешь въ насъ раждать без-
смертну страсть,

Ты, Лиза, ты теперь... Ахъ! можешь ли по-
спаться?...

Ты хочешь холодной быть и съ богомъ симъ
считаться!

Жестокая! скажи, считалъ ли я хоть разъ,
Сколь много пролилъ слезъ опчаянья изъ глазъ;

Сколь часто посреди воспорговъ и желаній
Я сердце надрывалъ отъ вздоховъ и стenanій?

Сочти всѣ горести, стѣснявшія мнѣ грудь,

И послѣ, — ты сама судьбою нашимъ будь!

Но нѣтъ, смѣшаемъ все, и радости и муки!

Пади, любезная, пади въ мои ты руки!

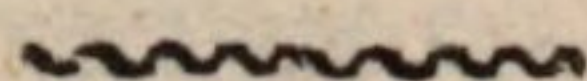
Позволь, чѣмъ я тебя безъ счета цѣловалъ

За столько, столько слезъ, ... которыхъ не
считалъ.

П р и з н а н і е.

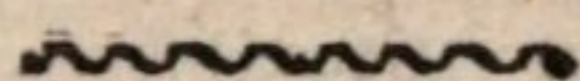
Темира ! виноватъ , ты точно ошгадала ;
 Прости ! все лгалъ передъ тобой ;
 Любовь моя къ другой,
 А не къ тебѣ пылала ;
 Другою день отъ дня
 Я прелестьми прельщался болѣ ;
 Другой по всѣмъ мѣстамъ искалъ я по неволѣ,
 Жестокости ея кляня ;
 Равно и въ пѣсняхъ нѣтъ ни слова,
 Которое бы я отъ сердца написалъ :
 “Прелестная ! мой богъ ! жестокая ! сурова !”
 Всѣмъ этимъ я тебя для рѣшмы называлъ.
 Такъ точно, я вздыхалъ, лилъ слезы предъ то-
 бою,
 А въ сердцѣ занявъ былъ тогда совсѣмъ другою.
 Да что въ тебѣ и есть ? Согласенъ , . . . милый
 взглядъ . . .
 Ошмѣнной бѣлизны зубовъ прекрасныхъ рядъ...
 Густыя волосы — какихъ конечно мало :
 Для трехъ бы Грацій ихъ достало ;
 Двѣ ямки на щекахъ, вмѣстилища заразъ,
 Любезность, умъ — и все шутъ было —
 Пустое, чтобъ кому изъ насъ
 Все это голову вскружило !

С и л а л ю б в и .

Кто въ страсти не ревнивъ, и можно ли дивисься,
 Что сердце плѣнное побой, всего спрашися
 И думаетъ, что ты, душа души моей!
 Не меньше, какъ и мнѣ, мила природѣ всей?
 Такъ! все въ природѣ духъ мой ревностью смущаетъ:
 И солнце, кажется, ярчѣй къ тебѣ пылаетъ;
 Нѣжнѣе, чѣмъ другихъ, и рѣзвый вѣтерокъ
 Касается тебя сквозь флеровой плашокъ;
 И даже воздухъ потѣ, — пускай всю слабость знаешь —
 Который ты съ своимъ дыханіемъ мѣшаешь,
 И воздухъ, словомъ, все, мнѣ кажется, со мной
 Прельщается побой.

При сообщеніи ей другихъ стиховъ.

Дельфира! вотъ стихи, которыхъ ты желала,
Но болѣ опѣ меня впередъ не ожидай;
Ты знаешь, я попалъ въ Поэты не значай,
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня узнала.

Тогда я молодъ былъ, припворспвовать не зналъ;
Ты показалась мнѣ мила и добродушна;
Такою я себя въ стихахъ и называлъ,
И лира завсегда была тебѣ послушна.

Увы! какъ худо зналъ тогда я нравы, свѣтъ!
Я думалъ, что вездѣ — въ Аркадіи Поэтъ;
Я думалъ, какъ пчела собираетъ въ собраньяхъ
сопы:

Учишься ловкости, свой разумъ украшать,
Давашъ красивые языку обороты,
Чтобъ болѣ попомъ въ стихахъ моихъ бли-
стать;
Но что же я нашелъ? ... Прощайте лестны
виды!

Всѣ стихотворчески мечты!
Прощайте Граціи и Сильфы и Сильфиды!
Что вмѣсто ихъ Поэтъ увидѣлъ въ свѣтѣ ты?
Тамъ къ дарованіямъ холодность иль презрѣнье,
Тутъ осторожность, подозрѣнье;
Къ кому приспашъ и чѣмъ начашъ свой раз-
говоръ?
Тамъ цѣлый день молчалъ пошупя въ карты
взоръ;

Здѣсь заняло умы вчерашне производство;
Тамъ хваляшъ бархатовъ Московскихъ превос-
ходство,
Иль мысль свою кладушъ на именинный пиръ;
А шамъ одинъ съ другимъ въ пресильномъ, жар-
комъ спорѣ,

Что новый стараго красивѣе мундиръ.

Пѣвецъ отъ скуки, въ горѣ
Перемѣняешъ кругъ, имѣя только даръ
Живѣ чувствовать прекраснѣйшаго цѣну;
Поешъ онъ Делію, иль Дафну, иль Климену,
Поешъ ихъ острый умъ, любезность, милый
нравъ,

Ни мало не искавъ

Другова награжденья,

Какъ только съ ними обхожденья,
Пріятныхъ для него въ ихъ обществѣ минушъ.
Но чтожъ его хвалы и здѣсь произведутъ?
Мужъ видя мадригалъ къ супругѣ, ужаснется
И всѣмъ рассказывать знакомымъ понесется,
Что нашъ пипомецъ Музъ плѣненъ его женой,
Которая его играетъ простотой;
Безъ памяти отъ ней! — Жена изъ потаканья,
А болѣе боясь отъ мужа увѣщанья,
Усмѣшкой иногда, иль взглядомъ подтвердишъ.—

И вдругъ нашъ бѣдненькой Піитъ

Пойдетъ у всѣхъ за Селадона.

Вошъ жребій здѣсь пѣвцевъ и дѣшюкъ Аполлона
Въ заплашу за хорошій стихъ.

Онъ въ лѣтахъ молодыхъ не слишкомъ намъ
ужасенъ;

Но въ зрѣлость дней своихъ

Виною городскихъ бытъ басенъ,

Признайся — тяжело, и легче во сто разъ,
Бытъ въ обществѣ нѣмымъ и позабытъ Парнасъ.

Н а с л а ж д е н і е.

~~~~~

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ —
Лавры! васъ я не ищу;
Я и миршочкой доволенъ,
Коль отъ милой получу.

Будь мудрецъ свѣтиломъ міра,
Будь герой вселенной спрахъ:
Рано ль, поздно ли, Темира!
Всякъ исполбешъ, будетъ прахъ.

Розы ль дышутъ надъ могилой,
Иль полынь на ней расшетъ:
Все равно, о другъ мой милой!
Въ прахъ чувствія ужъ нѣтъ.

Прочь же скука! прочь забота!
Вспламеняй, любовь, ты насъ!
Дни текутъ безъ поворота;
Дорогъ, дорогъ каждый часъ!

Можешъ бышь, въ сію минушу,
Милый другъ! всеильный рокъ
Посылаетъ Парку люшу
Дней моихъ прервати токъ.

Ахъ! почто же медлить болѣ
И съ тоскою ждашь конца?
Насладимся мы, доколѣ
Бьются въ насъ еще сердца.

Э л е г і я.

Коль надежду изпребила
Въ спрастномъ сердцѣ ты моемъ,
Хоть вздохни, пиранка мила!
Ты изъ жалости по немъ;
Дай хоть эшу мнѣ опраду,
Чшобъ я жизнь мою влачилъ,
Бывъ увѣренъ, что въ награду
Я тобой жалѣемъ былъ.

Естьлибъ въ нашей было волъ
И любишь и не любишь,
Спалъ либъ я въ злощасной долъ
Пошаенно слезы лишь?
Нѣтъ! на ту, копора къ гробу
Веселясь мнѣ кажемъ пущь,
За ея жестокошь, злобу
Не хотѣлъ бы и взглянушь.

Но любовь непоспижима! —
Будь злодѣйкою моей;
Будешь все богошворима,
Будешь сердцу всѣхъ милѣй!
О жестокая!... любезна!
Смѣйся, смѣйся, что терплю!
Я достоинъ — участь слезна!
Презрѣнъ, спражду, и... люблю!

К ъ Х л о ѣ.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь;
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла,
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ спала!
Аромата нѣтъ.

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ;
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

Г о р л и ц а и П р о х о ж і й.

~~~~~

П р о х о ж і й.

Что такъ печально ты воркуешь на кусточкѣ?

Г о р л и ц а.

Тоскую по моемъ дружочкѣ.

П р о х о ж і й.

Не уже ль онъ тебѣ невѣрный измѣнилъ?

Г о р л и ц а.

Ахъ! нѣтъ, стрѣлокъ его убилъ,

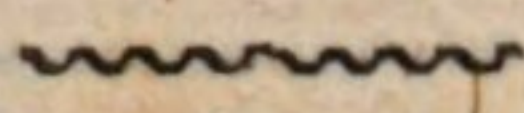
П р о х о ж і й.

Несчастливая! спросишь и ты его руки!

Г о р л и ц а.

Что нужды! вѣдь умру жъ съ тошки.

Споръ на Олимпѣ.

Ю л и т е р ъ.

Прочь слабое дитя! не будь въ моихъ очахъ,
Иль гряну громомъ, и ты прахъ!

А м у р ъ.

Для лука моего Перунъ твой не опасенъ:
Дитя, какъ я, и самъ ужасенъ.

Ю л и т е р ъ.

Надменный! видишь ли Гиганшовъ жребій злой,
Попранныхъ громовой спирѣлой?

А м у р ъ.

А ты, гремѣщій богъ, взгляни на прелесть Леды—
И будь же лебедь, въ знакъ побѣды!

П ъ с н и.

I.

Видѣлъ славный я дворецъ
Нашей мапушки Царицы,
Видѣлъ я ее вѣнецъ
И злапыя колесницы.

Все прекрасно! я сказалъ,
И вѣ шалашъ мой путь направилъ;
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ я Лизаньку оставилъ.

Лиза! рай всѣхъ чувствъ моихъ!
Мы не знашны, не велики:
Но вѣ обѣщаньяхъ твоихъ
Меньше ль счастливъ я владыки?

Царь одинъ веселій часъ
Миліономъ покупаетъ,
А природа ихъ для насъ
Вѣчно даромъ расточаетъ.

Пусть пѣвцы не будутъ плестъ
Мнѣ похвалъ кудрявымъ складомъ:
Ахъ! сравню ли я ихъ лести
Милой Лизы съ нѣжнымъ взглядомъ?

Эрмишажъ мой — огородъ,
Скипетръ — посохъ, а Лизета
Моя слава, мой народъ
И всего блаженство свѣта.

II.

Други! время скоротечно,
И не видишь, какъ лепишь;
Молодыми быть не вѣчно;
Старость въ мигъ насъ посѣтитъ,
Что же дѣлать? такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Пусть Аракъ ума убавитъ
Между насъ у оспряковъ!
Онъ сердца за то заставитъ
Говорить безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жить:
Меньше врагъ, а больше пить.

Посмотрите, какъ уныла
Вся природа на земли:
Осень рощи обнажила,
Ахъ! и розы опцвѣли.
Какъ же грусть намъ усладить?
Чаще пуншъ съ аракомъ пить.

О аракъ, аракъ чудесный !
 Ты весну намъ возвратилъ.
 Ты согрѣлъ, какъ Май прелестный,
 Щеки розами покрылъ.
 Чѣмъ же намъ тебя почтешь ?
 Въ двое, въ трое больше пьешь.

III.

Безъ друга и безъ милой
 Брожу я по лугамъ ;
 Брожу съ душой унылой
 Одинъ по берегамъ.
 Тамъ тѣ же все встрѣчаю
 Кусточки и цвѣтки:
 Но, ахъ ! не облегчаю
 Ничѣмъ моей тоски !

Срываю я цвѣточикъ,
 И въ мысляхъ говорю :
 Кому сплести вѣночикъ ?
 Кого имъ подарю ?
 Со вздохомъ пухъ кашится
 Изъ сердца слезный шокъ,
 И изъ руки валится
 Увядшій въ ней цвѣтокъ.

Во времена счастливы,
Бывало въ жаркой день,
Развѣсисшыя ивы!
Иду я къ вамъ подъ тѣнь.
Пошлете ль днесъ отраду
Вы сердцу моему?
Ахъ! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Все, все посылало въ міръ!
И персты ужъ мои
Не движутся на лиръ,
Лишь слезъ текутъ струи;
Престань же пѣть, несчастный!
И лиру ты разбей;
Не слышенъ голосъ спрасный
Душъ души твоей.

IV.

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише; полно пѣть!
Ты съ зарею вновь счастлива,
Ахъ! а мнѣ пришло терпѣть.
Я разстанься долженъ съ милой
На зарѣ къ моимъ слезамъ!
О луна! твой свѣтъ унылой
Краше солнышка былъ намъ!

Тише, ласпочка болтлива !
 Тише, пише; полно пѣшь !
 Ты съ зарею вновь счастлива,
 Ахъ ! а мнѣ пришло терпѣть.
 Знашь и сонная мечтала
 О любви ты своей :
 Ты къ утѣхамъ рано встала,
 А я къ горести моей.

Тише, ласпочка болтлива !
 Тише, пише; полно пѣшь !
 Ты съ зарею вновь счастлива ;
 Ахъ ! а мнѣ пришло терпѣть.
 О когда бѣ и ты имѣла
 Учасъь равную со мной :
 Ты бѣ молчала и не пѣла,
 И встрѣчала день съ тоской.

V.

Бѣдно сердце ! какъ рѣшиться ?
 Забывать, или любить ?
 Но любя ее крушиться,
 Безъ отрады слезы лишь,
 Вѣчно мучиться, томиться ! ...
 Даромъ, даромъ, говоришь :
 И любить ее велишь.

Ахъ! люблю ее, пылаю;
 Разумъ, душу, милый взглядъ,
 Все въ ней, все я обожаю! —
 Но къ себѣ я вижу хладъ! . . .
 Полно, полно! забываю —
 Разумъ! ты меня крѣпишь,
 И забышь ее велишь.

Позабуду! но доколѣ?
 Ахъ! пока не встрѣчусь съ ней;
 Я опять тогда въ неволѣ
 Милыхъ мнѣ ее цѣпей.
 Грустно, грустно быть въ сей долѣ!
 Грустно! сердце ты швердишь,
 А любить ее велишь,

VI.

Ахъ! когдабъ я прежде знала,
 Что любовь рождаетъ бѣды,
 Беселясь бы не встрѣчала
 Полуночныя звѣзды.
 Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
 Золопова я кольца;
 Не была бъ въ надеждѣ сладкой
 Видѣть милаго льстеца!

Кѣ удаленію удара
Вѣ люшой, злой моей судьбѣ,
Я слила бѣ изѣ воска яра
Легки крылошки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего ;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потомѣ бы улетѣла
Со слезами и поской,
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой ;
Возрыдала бѣ, возопила :
Добры люди ! какѣ мнѣ бышь ?
Я невѣрнаго любила ...
Научите не любить.

VII.

Пой, скачи, кружись, Параша !
Руки вѣ боки подпирай !
Мчись вѣ веселіи жизнь наша !
Ай, ай, ай, жги ! * припѣвай.

* Известный припѣвъ одной изъ Цыганскихъ лѣсенъ.

Милѣ, любезенѣ василечикѣ :
Рви, доколѣ онѣ цвѣтешѣ ;
Солнце зайдешѣ, и цвѣточикѣ
Ахѣ ! увянешѣ, опадешѣ !

Пой, скачи, кружись, Параша !
Руки вѣ боки подпирай !
Мчись вѣ веселіи жизнь наша !
Ай, ай, ай, жги ! припѣвай.

Соловей не умолкаетѣ,
Свищетѣ сѣ утра до утра :
Другу милому, онѣ знаетѣ,
Пѣть одна вѣ году пора.

Пой, скачи, кружись, Параша !
Руки вѣ боки подпирай !
Мчись вѣ веселіи жизнь наша !
Ай, ай, ай, жги ! припѣвай.

Кто бывѣ молодѣ не смѣялся,
Не плясалѣ и не пѣвалѣ ,
Тотѣ ничѣмѣ не наслаждался,
Вѣ жизни не жилѣ, а дышалѣ.

VIII.

Куда мнѣ, сердце спрасшно,
Куда сѣ тобой бѣжаешь ?
Здѣсь долженѣ я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняють,
 Что я всегда уныль:
 Увы! они не знают,
 Таковъ ли прежде былъ.

Ахъ! нѣкогда на лирѣ
 И я рѣзвась игралъ!
 И я пущь скромный въ мірѣ
 Цвѣтами успилалъ!

О грустно воспоминае!
 Не медлимъ ни часа;
 Пойдемъ сокрыть стенанье
 Въ дремучіе лѣса!

Тамъ горестью глубокой
 Никто не укоритъ;
 Ни имени жестокой
 При мнѣ не повшоритъ.

Пускай одинъ съ тобою
 Я буду горевать;
 И непрестанно Хлою
 Винишь и обожаешь.

IX.

Что съ тобою, ангелъ, стало?
Не слыхашъ твоихъ рѣчей;
Все вздыхаешь! а бывало
Ты поешь, какъ соловей. —

Съ милымъ пѣла, говорила,
А безъ милова грущу;
По неволѣ приуныла;
Гдѣ я милова сыщу? —

Развѣ милова друга
Не найдешь изъ паспущковъ?
Выбирай себѣ любова,
Всякъ тебя любить готовъ.

Хоть Царевичъ мной прельстился,
Все я буду горевашъ!
Сердце съ сердцемъ подружился:
Ужъ не властно выбирашъ.

X.

Стонетъ сизый голубчикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочикъ
Отленилъ надолго прочь.

Онъ ужъ болъ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно,
Знашь судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣнно
Спасный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко правкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ —
Голубокъ... на вѣкъ уснулъ.

Вдругъ голубка прилетѣла
Пріунывъ издалека —
Надъ своимъ любезнымъ сѣла —
Будишъ, будишъ голубка.

Плачешъ, стонешъ, сердцемъ ноя,
Ходишъ милого вокругъ —
Но . . . увы ! прелестна Хлоя ! . . .
Ужъ не встанешъ милый другъ.

П о д р а ж а н і е П е т р а р к у.

Повѣритъ ли кто мнѣ? всегда, во всѣхъ мѣ-
стахъ

Я слышу милую и вижу предъ собою;
Она глядитъ изъ водъ, она лежитъ въ цвѣтахъ,
Она мнѣ говоритъ и дуба подъ корою,
Она и облачко по утру золотишь,
Она въ природѣ все и красишь и живишь.
О спрость чудесная! чѣмъ болѣ открываю
Угрюмой дикости въ мѣстахъ, гдѣ я бываю,
Тѣмъ кажется милѣй, прелеснѣе она.
Но, ахъ! на долго ль сей мечтой обольщена,
Блаженствуешь душа пылающая, спростна?
Минушу, — и опять душа моя несчастна
Томишься, и опять все меркнетъ для меня!
Гдѣ Лора? глядя вокругъ, я думаю спеня:
Гдѣ Лора? — ни она, никто не отвѣчаетъ,
И страждущій Петраркъ на камень упадетъ
Безъ памяти, безъ чувствъ, такъ холоденъ, какъ
онъ,
Лишь эхо отдастъ глухой и томный стонъ.

С о вѣ т ъ.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь.
Пой, пляши, люби, рѣзвися! —
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

Други! матери природы,
Слышите ль пріятный гласъ?
Составляйте жъ хороводы,
Пойте! вашъ доколъ часъ.

Въ жизнь однажды срокъ утѣхамъ;
Пролетя, не придущъ вновь!
Дайте руку играмъ, смѣхамъ,
Призовите и любовь.

А пѣвца, который съ вами
Ужъ рѣзвисься успарѣлъ,
Увѣнчайте хоть цвѣтами,
Чтобъ еще онъ вамъ пропѣлъ.

Юность! юность! веселися,
Веселись, пока цвѣтешь;
Пой, пляши, люби, рѣзвися! —
Ахъ! и ты какъ тѣнь пройдешь!

М а д р и г а л л ы.

I.

Нѣтъ! Хлоя, не могу я страсти побѣдить,
 Но можно ли тебя узнать и не любить?
 Ахъ! ты даешь мнѣ умъ, воспаменяешь къ
 славѣ,
 Разсѣваешь грусть и исправляешь въ нравѣ;
 Годъ жизни я отдамъ за этотъ райской часъ,
 Чтобъ видѣть мнѣ тебя, чтобъ слышать мнѣ
 твой гласъ,
 И часто мысль одна: увижу завтра Хлою —
 Уже на цѣлый день веселья мнѣ виною.

II.

По чести, отъ тебя не можно глазъ отвесить;
 Но что къ тебѣ влечетъ? ... загадка непонятна!
 Ты не красавица, я вижу, ... а пріятна!
 Ты бѣ лучше быть могла, но лучше такъ, какъ
 есть.

III.

Задумчива ли ты, смѣешься, иль поешь,
 О Хлоя милая! ты всѣмъ меня прельщаешь:
 Часамъ ты крылья придаешь,
 А у любви ихъ похищаешь.

Надписи къ Портретамъ.

I.

Что мнѣ объ ней сказать?
Къ другимъ и я бывало
Легко могъ надписи писать,
Но милую хвалишь, какъ ни хвали, все мало!

II.

Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать;
Узная — будешь обожать.

III.

Вотъ мой тебѣ портретъ; сколь счастливъ бы
я былъ,
Когда бъ ты иногда сказала:
“Любезнѣй и умнѣй его я многихъ знала;
Но кто меня, какъ онъ любилъ?”

IV.

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
“Мать дочери великъ трудъ его читать.”

V.

Вотъ милый всѣмъ творецъ! иль сердцемъ, иль
умомъ

Грозитъ тебѣ онъ плѣномъ:

Въ Аркадіи бѣ онъ былъ счастливымъ паслуш-
комъ,

Въ Аѳинахъ Демосфеномъ.

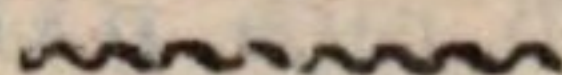
VI.

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь пошокъ сверкающій въ до-
линѣ;

Надъ печкой соловей, три Граціи въ картинѣ —
Вотъ все его добро, . . . и счастливъ! онъ Поэтъ.

Къ Венериной статуѣ.

Изъ Антологіи.

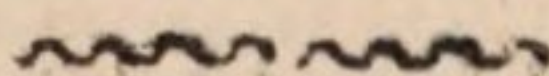

Парисъ и Марсъ — о томъ ни слова, —
И Апеллесъ когда хотѣлъ,
Меня видали безъ покрова,
Но какъ увидѣлъ Праксигелъ!

Эпиграмма.

Оптудажъ.

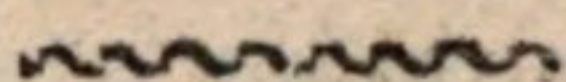

Леандръ въ послѣдній разъ возникнувъ изъ ва-
ловъ
Молилъ взирающихъ сквозь зарево боговъ:
О боги! боги! допустите,
Взглянуть мнѣ на нее, ... и послѣ попошите!

К ъ * * *

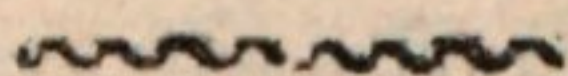
которая хотѣла испортить часы.

Ахъ! Лиза, мнѣ ль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тѣмъ лучше: я не буду знать,
Когда съ тобою разлучиться.

С л а б о с т ь.

Мнѣ Хлоя сдѣлала рѣшительный отказъ;
Въ досадѣ на нее и горести безмѣрной,
Вчера я говорилъ: уже въ послѣдній разъ
Былъ въ домѣ легковѣрной!
А нынѣ по упрямству, не знаю какъ и самъ
Опять я тамъ!

О т ъ ѣ з д ѣ .

Простите Лары и Пенаты !
 Прости и шы, волшебный край,
 Въ кошоромъ Геніи крылашы
 Казали мнѣ и въ дебряхъ рай :
 Гдѣ я мечтами забавлялся,
 Гдѣ люшый всѣхъ знобилъ морозъ ;
 А я лежалъ средь нѣжныхъ розъ
 И ароматомъ ихъ питался ;
 И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
 Видался каждый день съ Наядой ;
 Гдѣ кустъ, береза вдалькѣ
 Казались мнѣ Гамадriadой ;
 А дьякъ, или и самъ судья
 Какой нибудь Цирцеи жертвой,
 Ахъ, какъ въ тебѣ былъ счастливъ я !
 Бывало и живой и мершвой
 Равно повиновались мнѣ,
 И я, не выходя изъ дому,
 Чудесилъ такъ, что врядъ другому
 Увидѣшь даже и во снѣ.
 Лишь мѣсяцъ ликъ уставишь въ воду
 И свѣтлу твердь засшелешъ мракъ —
 То ешь, какъ ночь на всю природу
 Накинешъ флеровый калпакъ —
 Съ восторгомъ я въ тебя всшупаю,
 И какъ могучій чародѣй
 Напурою повелѣваю :
 Хочу, и зрю толпы людей

За тридцать земель лежавшихъ
 Два вѣка въ масть-сырой землѣ,
 Въ ихъ прежнемъ образѣ представшихъ
 Глазѣ моимъ въ прозрачной мглѣ.
 Вдохну, и вижу я Темиру,
 Въ ея объятія лечу,
 И въ томъ же мигѣ, наладя лиру,
 Что придетъ на сердце, бренчу.
 Еще вдохну, и въ мигѣ предстанетъ
 Покрытый муравою лугъ;
 Съ улыбкой нѣжной солнце взглянетъ,
 Вспорхнетъ Зефиръ, явится другъ
 Съ своею арфой сладкогласной,
 И Маю возгласитъ на ней: —
 “Спѣши, спѣши, о Май прекрасной,
 Любезный вождь весеннихъ дней!
 Дохни къ намъ нѣжными устами,
 И ландышъ съ розой разцвѣтнетъ;
 Тебя съ простертыми руками
 Прелестны Нимфы съ неба ждуть.” —

Но время, хоть никто не проситъ,
 На быспрыхъ крыліяхъ своихъ
 Мечты, утѣхи всѣ уноситъ,
 И я почти лишенъ моихъ!
 Необходимою судьбою,
 Ахъ! скоро, скоро я съ тобою
 Разстануся, волшебный міръ!
 Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣ,
 И я уже на чистомъ полѣ
 Лечу на тройкѣ, какъ Зефиръ!
 Удаля мчатъ закинувъ гривы,
 Земля бѣжитъ, и пыль сползетъ! —
 Прощайте дни мои счастливы!
 Прощай, отеческой мой домъ!

Прощайте Граціи и Музы!
 Увы! невольно сладки узы
 Я долженъ съ вами перерватьъ...
 Прощай, прощай и ты о Волга! —
 О Марсѣ! о честь! о свяшось долгъ!
 Скачу, скачу... *маршируютъ.*

К а р р и к а т у р а.

~~~~~

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.

Я вижу чисто поле,
Вдали жѣ передо мной
Чернѣетъ колокольня,
И вьется дымъ изъ трубъ.

Но кто вдоль по дорогѣ
Подъ шляпой въ калпакѣ,
Тряхъ, пряхъ, а индѣ рысью,
На старомъ рыжакѣ? —

Въ изодранномъ колетѣ
Съ кошкой въ порокахъ —
Палашъ его тяжелый
Тащась черпашъ песокъ.

Кто это? — Бывшій вахмистръ
Шешминскаго полку,
Отставку получившій
Чрезъ двадцать службы лѣтъ.

Ужъ онъ въ верстѣ, не болѣ,
Отъ родины своей;
Всѣ жилки въ немъ взыграли
И сердце разцвѣло!

Какъ будто въ міръ волшебный
Онъ вѣдъмой занесенъ;
Все, все его прельщаетъ,
Въ воспоргъ приводитъ духъ.

И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе
На родинѣ его.

“Узнаетъ ли Груняша?
Ворчалъ онъ про себя:
Когда мы расставались,
Я былъ еще румянъ!”

Ступай, рыжакъ, проворнѣй!“ —
И шпорою кольнулъ;
Решивый конь пустился,
Какъ изъ лука стрѣла.

Ужъ випязь нашъ пробѣжалъ
Околицу съ гумномъ —
И вошъ ужъ онъ вѣбзжаетъ
На свой господскій дворъ.

Но что онъ въ немъ находитъ?
Его ль жилище то?
Весь дворъ загложъ въ крапивѣ,
Не видно никого!

Лубки прибиты къ окнамъ,
И на дверяхъ запоръ;
Все тихо! — лишь на кровлѣ
Мяучитъ тощій котъ.

Онъ съ лошади слѣзаетъ,
Идетъ, и въ дверь спучитъ —
Никто не отвѣчаетъ,
Лишь въ щелку въпрѣ свиститъ.

Заныло вѣще сердце,
И дрожь его взяла;
Побрелъ онъ какъ сиротка
Нахотѣлся назадъ.

Но робкими ногами
Спустился лишь съ крыльца,
Холопъ его усердный
Представился ему.

Другъ друга въ мигъ узнали —
И потъ, и потъ завылъ —
“Терентъичъ! гдѣ хозяйка?”
Помѣщикъ спросилъ.

“Охши, охши, бояринъ!
Отвѣлсповалъ старикъ:
Охши!“ — и скорчась слезы
Уперъ своей полрой.

“Конечно въ домъ худо!
Мой вишязъ возопилъ:
Скажи, не дай помиться,
Жива, иль нѣтъ жена?“

Терентъичъ продолжаетъ:
“Хозяюшка твоя
Жива, иль нѣтъ, Богъ знаетъ,
Да здѣсь ее ужъ нѣтъ.

Пришло тебѣ, бояринъ,
Всю правду объявишь;
Попушалъ грѣхъ лукавый
Хозяюшку твою.

Она держала пристанъ
Недобрымъ молодцамъ;
Одинъ изъ нихъ пойманъ,
И на нее донесъ.

Тотъ часъ ее схватили
И въ городъ увезли;
Что жъ съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

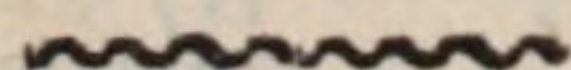
Вотъ пятый годъ въ исходѣ —
Охти намъ! — какъ обѣ ней
Ни слуха нѣтъ, ни духа,
Какъ канула на дно.“...

Что дѣлать? какъ ни больно,
Но вѣчно ли тужить?
Несчастный мужъ поплакавъ
Женился на другой.

Сей випязь и по нынѣ,
Друзья! еще живешь;
Три года, какъ въ округѣ
Онъ земскимъ былъ судьей.

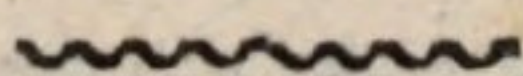
З а г а д к а.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
 И худо и добро : сержусь, благодарю,
 Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
 И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
 Всегда и важенъ и шушливъ,
 Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
 Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возраждаюсь,
 И только лишь рожусь, въ продажу опускаюсь.
 Я братьями богаты, названье намъ одно,
 Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно;
 Узнали? Нѣтъ? Еще прибавимъ:
 У насъ нѣтъ матери, за то
 Мы сошны двѣмъ отцовъ представимъ,
 И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
 Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
 Во многомъ сходствую съ молвою.

Б л и з н е ц ы.

- Кого вамъ надобно? — Я домъ ищу *Разврата*,
— Котораго, сударь? ихъ въ городъ два брата.
— Богатаго — какъ шомъ, такъ и другой богаты.
— Не очень складнаго — не молодецъ и братъ.
— Онъ крупъ обычаемъ — и шомъ ... избави
Боже!
— Жена красавица — и у другова тоже.
— Короче, шомъ рогаты, котораго ищу.
— Какой же случай! ... я молчу.

Амуръ и Дружба.

Сестрица, душенька! — Здорово братецъ мой! —
Лешалъ, лешалъ! — А я шаталась, ужъ шата-
лась! —
Гдѣ взять любовниковъ? всѣ сгибли какъ чумой! —
Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повстрѣчалась —
Какой сталъ свѣтъ! — давно ужъ это говорятъ —
Всѣ кляшвы на песокъ — услуги въ общаньѣ,
Подъ именемъ моимъ *корысть* богошворятъ. —
А подъ моимъ: *желанье*.

Исторія Любви.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забав-
ляется;
На завтре, говоряшъ, несносно докучаетъ!
На претій, слушающъ не поднимая глазъ;
Въ четвертый, съ робостью отказъ;
На пятый, слабое упорство и смятенье;
Въ шестой, ни да, ни нѣтъ, и страхъ и сожа-
лѣнье,
Въ седьмой безъ головы,
Въ осьмой — увы!

Супружняя Молитва.

Одинъ предобрый мужъ имѣлъ обыкновенье
Вставая ото сна и отходя ко сну
Такое приносилъ моленье:
Хранишь, Ангелъ мой! спаси мою жену!
Не дай упасть ей въ искушенье!
А ежели ужъ я... не дай про то мнѣ знать!
А есѣли знаю я, то дай мнѣ не видашь!
А есѣли вижу я, даруй ты мнѣ терпѣнье!

Э п и г р а м м ы.

I.

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ;
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

II.

За что Ликаста осуждаютъ,
Что вяло пишетъ онъ?
Имѣ изданъ только сонъ,
Когда же складны сны бывають?

III.

Завидна, я сказалъ, Терсипова судьбина:
Чинъ знашый, и что годъ, по дочь ему, по
сына —
Да! онъ не безъ друзей, отвѣтствовали мнѣ:
И при дворѣ и при женѣ.

IV.

Я разорился отъ воровъ. —
Жалѣю объ твоёмъ я горѣ! —
Украли пукъ моихъ стиховъ. —
Жалѣю я объ ворѣ!

V.

Увы! Дамонъ кричитъ, мнѣ Нина не вѣрна!
 Лукавый полъ! твой даръ лишь только лице-
 мѣришь!
 Давно ли *мужемъ* мнѣ своимъ клялась она? —
 И *мужемъ*? ... можно ль не повѣришь!

VI.

О Бардусъ! не глуши своимъ насъ лирнымъ
 звономъ; *
 Молвь просто: человекъ... смѣсь Бардуса съ
 Невпономъ.

VII.

Хорошъ бы Фока былъ, да много говоритъ;
 Привыкши Турковъ бить, онъ и своихъ моришь.

VIII.

“Онъ вралъ, — теперь не вретъ.” —
 Вошъ эпипафія, когда Бурунъ умретъ.

---

* Авторъ Поэмы на теловѣка.

Надписи къ Портретамъ.

I.

Глядите: вотъ Ефремъ! домовый нашъ маляръ.
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

II.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажется, лишь скажетъ слово:
Законы, проишь, все пасетъ гошова. —
Не бойтесь! онъ на дождь сердитъ.

III.

Смѣйтесь, смѣйтесь, что я щурю
Маленьки мои глаза;
Я ужъ видѣлъ, братцы, бурю
И знакома мнѣ гроза;
Побывалъ и я средъ боя!
Видѣлъ смерть не вдалекъ:
Такъ не стыдно для покоя
Погулять и въ калпакъ.

IV.

Чей это, Боже мой ! портретъ ?
Какими яркими чертами,
Надъ впалыми ея глазами
Написаны всѣ сорокъ лѣтъ.

V.

И это человекъ ?
О времена ! о вѣкъ !

Э п и т а ф і и.

I.

Здѣсь Бригадирѣ лежитѣ, умершій въ поздныхъ
лѣтахъ, —
Вотѣ жребій нашѣ каковѣ!
Живи, живи, умри, — и только что въ газетахъ
Оспалось: *выѣхалѣ въ Ростовѣ.*

II.

Вѣ надеждѣ будущихъ талантовъ
И вѣчныхъ за стихи наградѣ,
Родитель спитѣ здѣсь фоліантовъ
Умершій... послѣ чадѣ.

Э п и т а ф і я Э п и т а ф і я м ѣ.

Прохожій! пусть тебѣ напомнимѣ этотѣ стихѣ,
Что все на часѣ подѣ небесами:
По утру плакали о смерти мы другихъ,
А къ вечеру скончались сами.

К е н о т а ф і я.

Покорствуюя судебъ уставу,
Здѣсь нѣкто положилъ опцовской шлемъ съ перомъ;
Мечъ предковъ, ихъ любовь къ отечеству и славу,
А самъ — на козлы сѣлъ и хлопаетъ бичемъ.

Б ы л ь.

Даруй мнѣ, Муза, тонъ согласный
Съ уныніемъ души моей;
А ты, о добрый, иль несчастный!
Склони свой слухъ и пожалѣй.

Дамонъ не давно былъ душою,
Упѣхой въ дружескихъ пирахъ:
Рѣзовъ былъ, какъ Зефиръ весною,
Пригожъ, какъ роза на лугахъ.

Онѣ взоромѣ гналѣ печаль и скуку,
Устами радость сообщалѣ;
Друзьямѣ своимѣ давая руку,
Тогдажѣ и сердце отдавалѣ.

Вчера при мѣсячномѣ сіяньѣ
Друзьямѣ прощаясь говорилѣ:
“Какѣ грустно съ вами расставанье!” —
И взорѣ на нихѣ остановилѣ.

Бьетѣ часѣ, потомѣ — и вѣсть несется,
Печальна вѣсть: *Дамона нѣтъ!*
Вѣ Дамонѣ сердце ужѣ не бьется,
Исчезнулѣ вѣ мигѣ весенній цвѣтѣ.

Тутѣ вѣ первый разѣ еще познали
Дамона кѣ Лизѣ жарку спрасѣ;
Онѣ шаялѣ, но увы! кѣ печали,
Душѣ прямо *нѣжныхѣ* это часѣ!

Ихѣ слезы падаютѣ на камень.
Дамонѣ, не могши попушить,
Снѣдавшій сердце лютый пламень,
Рѣшилсѣ... самѣ себя убить.

К ъ м л а д е н ц у,

Дай собой налюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаюсь,
На тебя взираю я.

Ты спокойно почиваешь,
И ниже во крашкѣ снѣ,
Груспи, гореспи не знаешь,
День и ночь знакомыхъ мнѣ.

Лишь проснешься, прибѣгаютъ
Съ нѣжной радостью въ глазахъ,
Мать, отецъ — тебя лобзаютъ,
И качаютъ на рукахъ.

Всѣ въ восторгѣ предъ тобою,
Всѣхъ ты взоры веселишь,
Коль улыбкой ихъ одною,
Или взглядомъ подаришь.

Чувство горести безсильно
Долго духъ твой возмущаетъ;
Приголубь себя умильно,
И опять начнешь играть.

Часто слезы теплы льются
И сердечушко дрожишь;
А уста уже смѣются —
О незлобный, милый видъ!

Но, увы! дни быстро мчатся;
Вступишь въ возрастъ ны другой.
Рокъ и спраси ополчатся,
И проси твой вѣкъ злой!

Ахъ! я опытомъ то знаю,
Сколько я сердечныхъ слезъ
Проливалъ, и проливаю,
Сколько муки перенесъ!

Смерть родныхъ и сердцу милыхъ,
Спраси, немощь, хладъ друзей...
Часто въ мысляхъ я унылыхъ
Жизни былъ не радъ моей.

Но скрѣплюся, и опселъ
Естьли снова загрущу,
При твоей я колыбелѣ
Томно сердце облегчу.

Такъ! твои веселы взгляды,
Твой спокойный, милый зракъ,
Пролютъ мнѣ въ грудь опрады,
И души разсѣютъ мракъ.

О невинность! ты какъ Геній
Шлешь цѣленіе сердцамъ!
Я хоть нѣсколько мгновеній
Былъ теперь невиненъ самъ.

И давно погибшу радость
Въ бѣдномъ сердцѣ ощутилъ —
Милый Ангелъ мой! ты младость
Хоть на часъ мнѣ возвратилъ.

КЪ N N...

на вывозъ ея написать стихи

Ахъ! когда бы въ древни вѣки
Я съ тобой, Климена, жилъ!
На примѣръ: мы были бѣ Греки;
Какъ бы я тебя хвалилъ!

Подъ румянымъ, яснымъ небомъ,
Въ благовоніи цвѣтовъ,
Оживленныхъ крошкимъ Фебомъ,
Между миртовыхъ кустовъ —

Посреди себя съ супругомъ
Сѣлъ бы швой Анакреонъ,
И своимъ упрощенъ другомъ,
Сталъ бы лиру строить онъ.

Вы бѣ и гости замолчали,
Чтобѣ идеи мнѣ скопить,
И малюпки бѣ переспали
Пестру бабочку ловить.

Какъ въ саду швоемъ порхала
Въ Майѣ пчелка по цвѣтамъ,
Такъ рука бѣ моя лeshала
Рѣзвой лиры по струнамъ.

Тамъ бы каждый мнѣ цвѣточикъ
Къ пѣнью мысли подавалъ:
Милый, скромный василечикъ
Твой бы нравъ изображалъ.

Я швою бы миловидность
И стыдливость примѣнилъ
Къ нѣжной розѣ, а невинность
Съ бѣлой лиліей сравнилъ.

Ты бѣ распроголась, вскочила —
Я увѣренъ шочно въ шомъ —
И пѣвца бы наградила
Поцѣлуемъ и вѣнкомъ. —

Но, увы! мой умъ мечтаетъ,
Сколь далекъ я отъ Аѳинъ!
Здѣсь не Флора обитаетъ,
А морозъ, Бореевъ сынъ!

Здѣсь и самымъ Аполлономъ
Не согрѣлся бы иной;
Госпи заняты бостономъ,
Иль Нѣмецкою войной.

К ъ * * *

Какое зрѣлище для нѣжныя души!
О Грѣзъ! дай кисть свою, иль самъ ты напиши;
Въ румяный, Майской день, при солнечномъ вос-
ходѣ,
Тогда, какъ все цвѣшетъ и нѣжится въ при-
родѣ,
Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гордясь:
Климена скромная на люльку опустясь,
Ни молвить, ни дышать не смѣя,
Любуется плодомъ безцѣннымъ Гименея,
Любуется его улыбкою сквозь сонъ,
И чуть не говоритъ: "какъ милъ, ... и точно
онъ!" —

И такъ, Климена, ты теперь уже спокойна:
Ты счастлива, ты мать, и ею быть достойна!

Уже любимыхъ ты пѣвцовъ,
 Делилля, Коллардо съ Торквашомъ забываешь,
 И въ скромную свою диванну мудрецовъ,
 Бюфона и Руссо и Локка призываешь;
 И даже въ этотъ часъ, какъ Терпсихора всѣхъ
 Зовешь чрезъ Фауля * въ свой храмъ забавъ,
 утѣхъ;
 Какъ пудры облака покрыли туалеты,
 Какъ все въ движеніи: флеръ, шляпки и корнелы,
 Картоны, ящики, мужья и сундуки —
 Сколь мысли у тебя отъ шума далеки!
 Сидишь облокотясь надъ книжкою смиренно;
 Сидишь, и все твое понятіе вперенно
 Въ систему, правила Брипанскаго творца,
 Который только сухъ для одного глупца.
 Вся мысль и все твое желаніе, чтобъ сына
 Сдѣлать званія достойнымъ гражданина.
 О подвигъ сладостный, священный искони!
 Климена! увѣнчай ты имъ прекрасны дни.
 Кто болѣе тебя во способахъ обилень?
 Не матери ль одной достоинъ сей предметъ?
 Гласъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ.
 Такъ, умница! храни, лелѣй ты нѣжный цвѣтъ
 Подъ собственной рукою,
 И удобряй его ученія росю.
 Пекись, чтобъ изліялъ онъ райской ароматъ,
 Когда желанный день созрѣнія настанетъ;
 Да усладишь твое и сердце онъ и взглядъ
 И въ осень дней твоихъ весну твою вспомнеть!
 А ты, дитя, залогъ дражайшій двухъ сердецъ!
 Живи и усугубь ихъ счастье, наконецъ!

* Бывшій содержатель въ П. Б. Аглинскихъ баловъ.

Будь честенъ, будь уменъ, чувствителенъ, не-
зlobенъ,
Пріятенъ, милъ — во всемъ будь маминькѣ по-
добенъ!

Къ ней же
въ день ея рожденія.

Вступая въ новый годъ, любезная Климена!
Не бойся, чтобъ въ судьбѣ твоей произошла
Какая перемѣна;
Ты будешь всегда пріятна и мила,
И лѣтъ твоихъ считай друзья твои не ста-
нутъ:
Душой прекрасныя... не вянутъ.

К ъ М а ш ъ.

Я не Архангелъ Гавріилъ,
 Но воспоемъ Пермесскимъ покомъ,
 Отъ Аполлона бывъ пророкомъ,
 Съ издѣтства право получилъ.
 И такъ внимай, новорожденна!
 Къ чему ты здѣсь опредѣленна:
 Ты будешь маминьки съ отцомъ
 Опродой, счастьемъ, утѣшенъемъ,
 Любезна пола украшенъемъ,
 И въ добронравьи образомъ;
 Ты будешь безъ красы пріятна,
 Безъ блеска острыхъ словъ умна,
 Безъ педантизма учена,
 Почтенна и безъ рода знатна,
 И безъ кокетства всѣмъ мила,
 Какою маминька была —
 Вотъ мой урокъ и похвала —
 Едва ли не въ послѣдни пѣша!

Когда ты, Маша, разцвѣтешь
 Вступая въ юношески лѣта;
 Быть можетъ, что стихи найдешь —
 Конечно спрятанны ошибкой —
 Прочтешь ихъ съ милою улыбкой,
 И спросишь: "гдѣ же мой Поэтъ?
 Въ немъ дарованія примѣтны."
 Услышишь, милая, въ отвѣтъ:
 "Несчастливые не долготѣны;
 Его ужъ нѣтъ."

Н а д л и с и.

I.

Къ Портрету древняго Рускаго
Историка Нестора.

Поспигнувъ съ юныхъ лѣтъ тщету и скоро-
печность,
Сей Инокъ житіе пустынное избралъ,
И скроясь отъ живыхъ, онъ взоромъ обнималъ
Минувшее и вѣчность.

II.

Михайлы Матвѣевича Хераскова.

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щипомъ его покроютъ,
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

III.

Гаврилы Романовича Державина.

Державинъ въ сихъ чертахъ блискаетъ;
Потребно ли здѣсь больше словъ
Для тѣхъ, которыхъ восхищаетъ
Чессть, правда и языкъ боговъ?

IV.

Н — А — Б.

Воспитанникъ любви и счастья богини,
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ какъ Стоикъ жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни.

Надгробіє.

I.

Когда и дружество спруило слезъ потоки,
 На мраморѣ сіи начертывая спроки:
 Что жъ должны чувствовати, увы, отецъ и
 мать? ...
 О небо! и дѣшей ужасно намъ желашъ!

II.

В — И — С.

Быть можетъ, мудреца сей памятникъ не
 пронешъ,
 Но другъ къ нему проспрешъ умильный, слез-
 ный взглядъ;
 Но добрый, нѣжный сынъ всегда надъ нимъ
 возспонешъ,
 И бѣдный... вспомнишь часъ отпадъ.

III.

И. О. Богдановицу, Автору Душеньки.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ:
 Здѣсь Богдановичъ спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

IV.

Е му ж е.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ
лѣта,
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранишъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ
спитъ.

V.

Е му ж е.

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслишъ, опягченъ шоскою:
Кто Душеньку теперъ такъ мило воспоешъ?

VI.

Ѳ — М — Д.

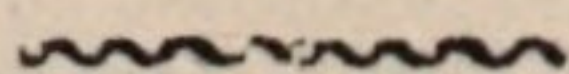
Любезнаго и прахъ останется ль безвѣстнымъ?
Дубянского былъ даръ: гармоніей прельщашъ;
Страсъ: дружба и любовь; законъ: бышъ до-
брымъ, честнымъ,
А жребій: бурну жизнь въ пучинѣ * окончашъ.

* Онъ утонулъ въ Невѣ.

VII.

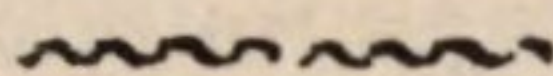
В — А — В.

Здѣсь тихая могила
Прахъ юноши взяла;
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

Э к с п р о м л т ъ
На игру Г. Дица.

Что слышу, Дицъ! смычокъ побой одуше-
ленный,
Поешь и говоришь и движешь всѣхъ сердца!
О сынъ гармоніи! достоинъ ты вѣнца,
И можешь презирать языкъ обыкновенный *.

* Это сказано было въ то время, когда Г. Дицъ пересталъ говорить, но не переставалъ восхищаться своею скрылкою.

КЪ О — М — Д * * *

Сотинившему голосъ на пѣсню мою:
Голубокъ.

~~~~~

Нѣжный ученикъ Орфея!
Сколь меня ты одолжилъ!
Ты смычкомъ его владѣя
Голубка мнѣ возвратилъ.

Бѣдный, сизый голубчикъ
Долго всѣми былъ забвенъ,
Лишь друзей моихъ вѣночикъ
Голубку былъ посвященъ.

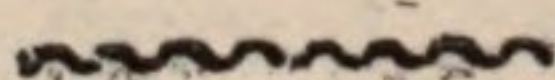
Вдругъ навѣяли Зефиры,
Гдѣ лежалъ онъ, на лужокъ,
Звукъ швоей волшебной лиры —
И воскреснулъ голубокъ!

Онъ вспорхнулъ, и очутился
Милой Граціи въ рукахъ;
На клавиръ ея спустился
И запрыгалъ на струнахъ.

Я глядѣлъ и сумнѣвался,
Точноль онъ передо мной?
Мнѣ пригожѣй показался
И милѣй голубчикъ мой.

С т а н с ы.

К ъ Н — М — К * * *

“Прочь отъ насъ Капонъ, Сенека!
Прочь угрюмый Эпиктетъ!
Безъ утѣхъ для человѣка
Пусть, несносенъ былъ бы свѣтъ.

Младость дважды не бываетъ;
Счастливы томя, который въ ней
Пусть цвѣтами устилаютъ,
Не предвидя грозныхъ дней!”

Такъ мою наспроя лиру
И призвавъ одну изъ музъ,
Дружбу, сердце и Темиру
Съ ними пѣлъ я мой союзъ.

Пѣлъ не думая о славѣ, —
Не искавъ ни чьихъ похвалъ;
Лишь друзей моихъ къ забавѣ
Лиру я съ стѣны снималъ.

Все въ глазахъ моихъ играло,
Я въ волшебной былъ странѣ!
Солнце ярче лучъ бросало
И казалось Фебомъ мнѣ.

Вижу ль розовый листочикъ;
Онъ меня оспановилъ;
То Зефиръ, не вѣтерочикъ,
Крылышкомъ его сронилъ.

Въ роцѣ ль голосъ разольется
Сладкопѣвца соловья:
Сердце въ мигъ во мнѣ забьется, —
Филомелу вспомню я.

Съ нею вмѣстѣ унываю,
И доволенъ, что грущу! —
Но почему я вспоминаю
То, чего ужъ не сыщу?

Утро дней моихъ зашмилось,
И опять не разцвѣтѣло;
Сердце съ счастьемъ просилось
И мечтой весеннихъ лѣтъ.

Рѣзвый нѣжныхъ Музъ питомецъ,
Другъ и смѣховъ и утѣхъ,
Нынѣ имъ, какъ незнакомецъ,
И собой пугаетъ всѣхъ.

Чувства прежнія имѣю,
Прежній жаръ въ моей крови;
А ужъ Граціямъ не смѣю
Воспѣвать я о любви.

Осужденъ къ несносной скукѣ
Грусть въ самомъ себѣ таишь;
Ахъ! и съ другомъ быть въ разлукѣ,
И отъ дружбы слезы лишь!

О любимый сынъ природы!
Нѣжный, милый нашъ пѣвецъ!
Скоро ль опческія воды
Насъ увидятъ, наконецъ?

Скоро ль мы на Волгу кинемъ
Радостный, сыновній взоръ,
Всѣхъ родныхъ своихъ обнимемъ
И составимъ братской хоръ?

Съ нами поже, что со цвѣтомъ:
Былъ... и нѣтъ его чрезъ день.
Ахъ! уклонимся жъ хоть лѣтомъ *
Древъ домашнихъ мы подъ тѣнь.

Скажемъ имъ: древа! примите
Вы усталыхъ пришлецовъ,
И съ пріязнью обнимите
Въ нихъ друзей и земляковъ.

Было время, что играли
Здѣсь подъ тѣнью мы густой —
Вы цвѣнете, ... мы увяли!
Дайте старости покой.

* Т. е. въ лѣто жизни нашей.

КЪ Г — Р — Д***

по слугаю контины первой супруги его.

Державинъ! ты ль сосудъ печальный, но драгой
Объемлешь и кропишь сердечною слезой?
Твою ли вижу я на кипарисѣ лиру,
И твой ли гласъ зовещъ безцѣнную Пльниру,
Зовещъ ее, и вдругъ пускаещъ вопль и стонъ?
О участь горькая! о тягостный уронъ!
Разстался ты съ своей возлюбленною вѣчно!
Прости, сказалъ ей въ слѣдъ, веселіе сердечно!
Рыдай, пѣвецъ, рыдай! себя ли утѣшать?
Ахъ! нѣтъ, я самъ съ тобой душой хочу спешить.

Достойна вѣчныхъ слезъ столь милая супруга:
Три люстра видѣлъ ты вѣрнѣйшаго въ ней
друга,
Три люстра ты ея прельщался красою,
Умомъ и чувствами и ангельской душой.
Сколь часто бывъ ея дѣяніямъ свидѣтель,
Въ восторгѣ мыслилъ я: “краса и добродѣтель!
Ахъ! еслибъ вы всегда встрѣчались вмѣстѣ
намъ!”

Сколь часто заспавалъ сиротку и вдовицу
Лобзавшихъ щедрю Пльнирину десницу;
Сколь часто въ шминѣ по зимнимъ вечерамъ
Пріятною ея бесѣдой научался,
Дышалъ невинностью, и лучшимъ возвращался—
Довольнѣй и добрѣй — въ смиренный домикъ мой!
Бывало, ясною сопутствуемъ луной

И въ мысляхъ проходя всѣ наши разговоры,
Къ жилищу своему еще стремилъ я взоры;
Стремилъ, и съ чувствіемъ сердечнымъ восклицалъ:

Блаженъ ты, добрый мужъ! ты ангела снискалъ!
И гдѣ жъ сей ангелъ днесъ? и гдѣ твое блаженство?

Увы! все въ мірѣ семъ мечта, несовершенство!
Твой ангелъ къ своему началу воспарилъ
И рокъ печаль и плачь въ храмъ счастья поселилъ!

Теперь ты во своихъ чертогахъ какъ въ пустынѣ,
И въ людствѣ сирота! ужъ не съ кѣмъ на единѣ

И скуку и печаль и радость раздѣлишь;
Къ кому сердечныя въ грудь тайноспва пролишь?
Кто опягченный умъ заботами, трудами,
Утѣшитъ, облегчитъ нѣжнѣйшими словами?
Кто первый поспѣшитъ дать искренный совѣтъ?

Кто первый по тебѣ отъ сердца воздохнетъ?
Кто первый ободритъ безсмертной лиры звуки,
И прежде всѣхъ простретъ тебѣ, встрѣчая, руки?
Къ кому теперь, къ кому въ обѣщія лепетъ?
Что дѣлать? что начать?... крушиться и терпѣть!

Конечно такъ судьбы всемогущи предписали,
Чтобъ счастье и напастъ позналъ ты, сынъ печали!

Но воззримъ къ Вышнему; кто маніемъ очесъ
Волнуетъ Океанъ, колеблетъ сводъ небесъ,
И солнца и міры творитъ и разрушаетъ;
Тотъ страждущихъ цѣлитъ, упавшихъ поднимаетъ.

КЪ Н — М — К***

Не скоро ты, мой другъ, дождешься пѣсней
 новыхъ
 Отъ Музы моея; ни Фавны роцѣ дубовыхъ,
 Ни Нимфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,
 Ни боги свѣтлыхъ рѣкъ и тихихъ ручейковъ,
 Не слышали еще имъ незнакомой лиры.
 Подъ мракомъ грозныхъ тучъ играютъ ли Зе-
 феры?
 Поетъ ли зяблиця, какъ бури заревутъ
 И съ гибкаго куста гнѣздо ея сорвутъ?
 До пѣсней ли и мнѣ подъ гнѣпомъ рока злова?
 Еще дымится пепѣлъ опеческаго крова,
 Еще смущенна мысль все бродитъ въ тѣхъ мѣ-
 стахъ,
 Недавно гдѣ земля на вѣкѣ сокрыла прахъ,
 Прахъ спарца * для меня толико драгоцѣнна!

Какихъ же пѣсней ждешь отъ сердца огор-
 ченна?
 Печальныхъ — но почто мнѣ Граціямъ скучать,
 Когда швой нѣжный гласъ ихъ будетъ услаж-
 дать?
 Пускай они швое посланіе ** читаютъ
 И розовой вѣнокъ любимцу соплетаютъ;

* Авторъ лишился тогда роднаго своего дяди
 П. А. Б.

** Посланіе къ женщинамъ.

Пускай Херасковъ, мужъ опѣдѣства чпимый
мной,
То въ мірѣ фантазіи путь кажетъ за собой,
То къ райскимъ красотамъ на небо восхищаетъ,
То на цвѣшущій брегъ Пеня провождаетъ,
И даже въ зиму дней умомъ еще цвѣтя,
Манишь на лирный гласъ крылатое дыя,
И съ крошостью влечетъ — нѣжнѣйшихъ чувствъ
владѣтель —
Любишь Поэзію, себя и добродѣтель.
Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приво-
дитъ духъ;
Пускай молодой герой, къ нему склоняя слухъ,
Пылаетъ и дрожитъ, и ищетъ алчнымъ взгля-
домъ
Копья, чшобы лепѣть потрястъ землей и адомъ.

Пришворства и въ стихахъ казать я не хочу:
Поется мнѣ, пою; не весело, молчу
И слушаю другихъ; иль взявши посохъ въ руку,
Въ поляхъ и по горамъ разсѣваю скуку;
Разнообразности природы шамъ дивлюсь,
И сколько слабые снимаютъ съ нее учусь.
Какъ Волжанинъ, люблю близъ водъ искапъ про-
хлады;
Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады;
Люблю и озера спокойный, гладкой видъ,
Когда его спекло вечерній лучъ злашипъ;
А временемъ идя — куда, и самъ не зная —
Чрезъ холмы, чрезъ лѣса, не видя сѣнямъ края,
Подъ сводомъ зелени, вдругъ на свѣтѣ выхожу
И новую для глазъ картину нахожу:
Открытыя поля подъ золотою нивой!
Вездѣ блестятъ серпы въ рукъ трудолюбивой:

Какой пріятный шумъ! какая пестрота!
 Здѣсь взрослый, шумъ старикъ, съ нимъ рядомъ
 красота;
 Кто жнетъ, кто вяжетъ снопы, кто подби-
 раетъ класы;
 А дѣти между тѣмъ, Амуры свѣтловласы,
 Украдкой по снопѣ играючи берутъ,
 Кряхтятъ подъ ношею, другъ друга ею
 прутъ,
 Валяются, встаютъ, и усмотря цвѣточикъ,
 Всѣ врознь къ нему летятъ какъ Майской вѣ-
 терочикъ.

Ахъ! я и самъ готовъ за ними въ слѣдъ ле-
 тѣть!
 Уже не долго мнѣ и на цвѣты смотрѣть;
 Уже я съ каждымъ днемъ чего нибудь ли-
 шаюсь.
 Иду подъ тѣнь кустовъ: спуплю, и возвраща-
 юсь
 Съ поникшей головой: шамъ нѣтъ ужъ со-
 ловья!
 Сегодня у пруда остановился я:
 И ласточки надъ нимъ кружились, вились,
 И сѣры облака по небесамъ неслись.

Ахъ! скоро, милый другъ, неистовый Золъ
 Помчися на крылахъ шумящихъ съ горъ на
 долъ,
 Завоеетъ, закрушитъ, дохнетъ, и кустъ при-
 клонитъ,
 Свинцовые валы на озеро нагонитъ,

Въ пещерахъ заревѣтъ и засвиснитъ въ ду-
 плахъ,
 И съ воздухомъ смѣситъ и лисвія и прахъ;
 День, два, и можешъ бытъ, цвѣточка не за-
 стану;
 День, два, и можешъ бытъ... Какъ знашь? И
 самъ увяну!

Г р у с т ь .

Влекомъ уныніемъ сердечнымъ
Пойду я съ лирой въ тѣ мѣста,
Гдѣ сномъ даритъ природа вѣчнымъ,
Гдѣ спятъ и скорбь и суеша.

Тамъ добродѣтельной Эльвиры
Надъ прахомъ слезы я пролью,
И съ тихимъ звукомъ томной лиры
Къ безмолвнымъ пѣнямъ воспою :

Миръ вѣчный вамъ! вкушайте сладость
Спокойства въ пристани отъ бѣдъ ;
Теперь для васъ печаль и радость
Уже ничто ; для васъ ихъ нѣтъ.

Уже вамъ болѣ не ужасны
Удары, пораженья злыхъ ;
Ни тайны ковы не опасны,
Ни явное гоненье ихъ.

Уже никто судомъ безчиннымъ
Не можетъ духъ вашъ оправить :
Изъ чистыхъ, правыхъ сдѣлашь виннымъ,
И въ сердце острый мечъ вонзить.

Нѣтъ! сердце въ васъ уже не бьется,
Оно спокойно всякой часъ;
Уже оно не опзовеся
Ниже любезнѣйшей на гласъ.

Чувствительный! вкушай отраду,
Сверша печенье бурныхъ дней;
Не бойся сладкаго ты яду
Обворажающихъ очей.

Не бойся болѣе презрѣнья
И колкихъ порицаній ты,
Въ награду твоего смиренья,
Незлобна сердца простоты.

Ахъ! долго ли и мнѣ несчастну
Здѣсь страннику влачить мой путь?
Когда пройду я степь ужасну?
Пора, пора ужъ отдохнуть.

Къ Друзьямъ моимъ

по слугаю перваго съ ними свиданія
послѣ моей отставки.

Въ Москвѣ ль я, наконецъ? со мною ли друзья?
О радость и печаль! различныхъ чувствъ смѣ-
шенъе!
И такъ еще имѣлъ я въ жизни утѣшенъе
Внимаю журчанію домашняго ручья,
Вкусишь покойный сонъ подъ кровомъ, гдѣ ро-
дился,
И бытъ въ объятіяхъ родителей моихъ;
Не сонъ ли былъ и то? ... увидѣлъ и проснулся,
И можешъ бытъ уже въ послѣдній видѣлъ ихъ!
Но полно, эшотъ день не помрачимъ тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣловавъ!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ покидать,
И вошъ моя рука, что буду вашъ опнынъ.

Сколь часто я въ шуму веселій воздыхалъ,
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пустынѣ,
И тайной грусти въ немъ никто не замѣчалъ!
Но ежели вашъ другъ во дни разлуки слезной
Хотя однажды могъ совѣтъ подавъ полезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратишь,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ защишишь,

Спассти невиннаго, то все позабываетъ—
Довольно, другъ вашъ здѣсь и васъ онъ обнимаетъ.

Но буду ль я, друзья, по прежнему вамъ милъ?
Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ,
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежняя
живость!

Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе? — Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я,
Что сердце приношу чувствительно, незлобно,
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не опвлечетъ отъ васъ,
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ...
И самая любовь на вѣки оплешѣла!
И такъ, владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;
Пишайте спрасъ во мнѣ къ изящному всему,
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ оспальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ припворными
словами,
Гдѣ сердце на рукѣ *, гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и по днесъ веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ не-
бомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы спанете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужъ веселъ! можетъ спаться

* Древніе представляли дружбу въ образѣ женщины,
державшей на ладонѣ сердце.

Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ;
 О естлибъ воспылалъ во мнѣ Пермесскій жаръ!
 Съ какою бѣ радостью схватилъ мою я лиру,
 И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
 Да будетъ счастье и слава вѣчно съ нимъ!
 Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
 Гдѣ солнце дней моихъ вѣ безмолвьи закапится,
 И мой послѣдній взоръ... на друга устремится.

Конецъ второй Части.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

С к а з к и.

	Стран.
Модная жена. - - -	7
Воздушныя башни. - - -	14
Картина. - - -	20
Желанія. - - -	24
Пустынникъ и Фортуна. - - -	27
Искашели Фортуны. - - -	29
Причудница. - - -	33
Воспитаніе Льва. - - -	45

С м ѣ с ь.

Тибуллова Элегія. - - -	51
Къ *** о выгодахъ быть любовницею Стихотворца. - - -	55
Счетъ поцѣлуевъ. - - -	59
Признаніе. - - -	61
Сила любви. - - -	62
Къ *** при сообщеніи ей другихъ стиховъ. - - -	63
Наслажденіе. - - -	65
Элегія. - - -	67
Къ Хлоѣ. - - -	68
Горлица и Прохожій. - - -	69
Споръ на Олимпѣ. - - -	70
Пѣсни. - - -	71

С о д е р ж а н і е

	Стран.
Подражаніе Петрарку.	83
Совѣтъ.	84
Мадригаллы.	85
Надписи къ Портретамъ.	86
Къ Венериной статуѣ. Изъ <i>Антологіи</i> .	88
Эпиграмма. <i>Оттуда же</i> .	—
Къ *** кошорая хопѣла испоршитъ часы.	89
Слабость.	—
Отвѣздъ.	90
Каррикатура.	93
Загадка.	98
Близнецы.	99
Амуръ и Дружба.	—
Исторія Любви.	100
Супружняя Молитва.	—
Эпиграммы.	101
Надписи къ Портретамъ.	103
Эпитафіи.	105
Эпитафія Эпитафіямъ.	—
Кеношафія.	106
Быль.	—
Къ младенцу.	108
Къ NN... на вызовъ ея написать стихи.	110
Къ ***	112
Къ ней же въ день ея рожденія.	114
Къ Машѣ.	115

Н а д п и с и.

I. Къ Портрету древняго Рускаго Историка Нестора.	116
--	-----

вторая Часть.

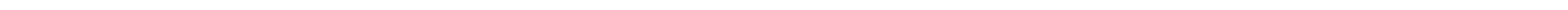
	Стран.
II. Михайлы Матвѣевича Хераскова.	116
III. Гаврилы Романовича Державина.	117
VI. Н — А — Б. - - - -	—

Надгробія.

I. - - - - - -	118
II. В — И — С. - - - -	—
III. И. Ѳ. Богдановичу, Авшору Ду- шеньки. - - - -	—
IV. Ему же. - - - -	119
V. Ему же. - - - -	—
VI. Ѳ — М — Д. - - - -	—
VII. В — А — В. - - - -	120

Экспромптъ на игру Г. Дица. - -	—
Къ Ѳ — М — Д *** - - -	121
Спансы къ Н — М — К *** - -	122
Сшихи къ Г — Р — Д — *** по случаю кончины первой супруги его. -	125
Къ Н — М — К *** - - -	127
Грусть. - - - -	131
Къ друзьямъ моимъ, по случаю пер- ваго съ ними свиданія послѣ моей отставки. - - - -	133

Исторический

Историческое

1. Монастырь в г. Могиле
2. Монастырь в г. Могиле
3. Монастырь в г. Могиле

Историческое

1. Монастырь в г. Могиле
2. Монастырь в г. Могиле
3. Монастырь в г. Могиле
4. Монастырь в г. Могиле
5. Монастырь в г. Могиле
6. Монастырь в г. Могиле
7. Монастырь в г. Могиле
8. Монастырь в г. Могиле
9. Монастырь в г. Могиле
10. Монастырь в г. Могиле

11. Монастырь в г. Могиле
12. Монастырь в г. Могиле
13. Монастырь в г. Могиле
14. Монастырь в г. Могиле
15. Монастырь в г. Могиле
16. Монастырь в г. Могиле
17. Монастырь в г. Могиле
18. Монастырь в г. Могиле
19. Монастырь в г. Могиле
20. Монастырь в г. Могиле

Dmitriev, Ivan I.,

Sočinenija i perevody

Bd.: 2 (1803)

Moskva 1803

P.o.russ. 144 d-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610236-1